СибАК
www.sibac.info

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

Сборник статей по материалам
LVII международной научно-практической конференции

№ 1 (53)
Январь 2016 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2016

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич – канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, докторант Харьковского национального университета им В.Н. Каразина, г. Харьков.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич – д-р. философии по искусствоведению, рецензент АНС «СибАК», Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна – канд. филос. наук, рецензент АНС «СибАК».

Купченко Константин Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры менеджмента и права Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома;

Прошин Денис Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич – канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна – канд. ист. наук, доц. кафедры новейшей истории России ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национально-исследовательский университет».

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LVII междунар. науч.-практ. конф. № 1 (53). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. 112 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

ISSN 2309-3382 © АНС «СибАК», 2016

Оглавление

История 5

Секция «Всемирная история» 5

ИСЛАМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 5
Алимова Клара Тойгонбаевна

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД 12
Алимова Клара Тойгонбаевна

ДЕЛО «АЛАБАМЫ»: ПОПЫТКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ (1865–1869) 18
Киселева Ольга Анатольевна

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК «СИСТЕМЫ 3D» 24
Халяпина Наталья Владимировна

Секция «Этнология» 37

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ РЫНОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕНКОРАНСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ 37
Меджидова Лейла Гадир гызы

Политология 46

Секция «История и теория политики» 46

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ 46
Рыбаков Андрей Вячеславович

Секция «Методология политического анализа» 51

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ – ИСКОННО АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ 51
Нуриева Ирада Тофик гызы

Секция «Политика в России» **57**

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: К ВОПРОСУ ОБ ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ 57
Короткова Мария Николаевна
Потапова Ирина Александровна

РИСКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ 62
Прасолов Валерий Иванович

Социология **72**

Секция «Социология управления» **72**

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО «СЕРВИСА» ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 72
Мартынова Светлана Эдуардовна

Философия **93**

Секция «История философии» **93**

ДИАЛЕКТИКА ОСНОВНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 93
Вавилова Виктория Юрьевна
Просветов Сергей Юрьевич

Секция «Онтология и теория познания» **99**

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ 99
Никитин Владислав Евгеньевич

Секция «Социальная философия» **108**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ 108
Усупова Чолпон Сабыровна

ИСТОРИЯ

СЕКЦИЯ

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

ИСЛАМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Алимова Клара Тойгонбаевна
старший преподаватель кафедры философии и социальных наук,
Кыргызский государственный технический университет
им. И. Раззакова,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: Alimova.kt@mail.ru

ISLAM IN THE CENTRAL ASIA

Klara Alimova
senior teacher of department to Philosophy and social sciences,
Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakova,
Kyrgyzstan, Bishkek

АННОТАЦИЯ

В статье было рассмотрено распространение и развитие ислама в Центральной Азии и проанализированы особенности распространения ислама среди кочевников, в т. ч. киргизов. Процесс распространения ислама среди киргизов был достаточно длительным, и киргизы позже всех приняли мусульманство. Было отмечено, что уровни религиозности киргизов севера и юга страны сильно различаются, что предопределено историческим развитием регионов. Традиционный ислам соответствует принципам демократии в новых независимых странах региона. В постсоветских центральноазиатских

странах ислам постепенно укрепляет свои утраченные в обществе позиции.

ABSTRACT

In the article distribution and development of Islam was considered in Central Asia and feature of distribution of Islam among the nomads of Kyrgyz was analyzed. A process of distribution of Islam among of Kyrgyz was protracted enough and Kyrgyz accepted an Islam later than all. It was marked that the levels of religiousness of Kyrgyz north and south of country strongly differentiate and it is predefined by historical development of regions. A traditional Islam corresponds to principles of democracy in the new independent countries of region. In post-soviet countries of central Asia an Islam gradually strengthens the lost positions in society.

Ключевые слова: ислам; сунниты; мазхаб; ханафиты; политеизм; буддизм; христианство; тенгрианство; шаманизм; зороастризм.

Keywords: Islam; the Sunnis; mazhab; hanafity; polytheism; Buddhism; Christianity; tengrianstvo; shamanism; Zoroastrianism.

Религия появилась на заре человеческой цивилизации и является сложным общественным явлением.

В последние годы во всем мире резко возрос интерес к исламской религии. Этот интерес обусловлен прежде всего постоянно возрастающей ролью стран и народов, населяющих исламские страны, в мировых процессах. Именно традиции этих народов влияют и на образ жизни, и на направление мыслей, и в немалой степени даже на перспективы развития обширных регионов мира.

В центральноазиатских странах в постсоветское время проблемы ислама стали широко и открыто обсуждаемой темой. В печати подчеркивается позитивное и негативное влияние ислама, по-новому рассматриваются духовные ценности ислама, его история и культура.

Ислам является мировой религией и отвергает националистические, шовинистические и другие притязания. В нем доминируют космополитические идеи. Несмотря на развитие индустриального прогресса в обществе, скачки в промышленности во многих странах мусульманского мира, ислам возрождается, развивается и занимает видное место в общественной жизни.

Феномен ислама как религии, которой удалось распространиться на большой территории и глубоко укорениться в сознании многих народов, заключается в том, что его основы выражают общечеловеческие и универсальные ценности, близкие большинству народов Востока.

История ислама насыщена по своему содержанию и пестра по своей форме. В исламе власть и религия всегда существовали бок о бок. Их нельзя рассматривать раздельно, потому что именно ислам являлся основой государственного строя, на его основе строилась идеология и общественный строй того или иного общества. Как известно, именно идеологии являются тем фактором, который сплачивает общество и обеспечивает согласие противоположных интересов общества. И такую функцию выполнял ислам в истории мусульманских государств.

Таким образом, в исламских странах религия являлась составной частью государства и одновременно играла роль государственной идеологии. Через ислам люди осознавали свою принадлежность к мусульманскому обществу.

После установления ислама на Аравийском полуострове он начал распространяться в другие регионы. Первые военные набеги в земли Центральной Азии относятся к третьей четверти VII в. В 673–674 гг. арабские войска вплотную подошли к Амударье, захватили Рамитан и окрестности Бухары. Окончательно регион был покорен в начале VIII века (706–716). Начиная с VIII в. регион постепенно превратился в зону распространения новой и последней религии – ислама. Это был период, когда в исламе образовались четыре мазхаба и начали разрабатываться собственные вероучения этой религии.

До появления ислама в Центральной Азии существовал политеизм. Народы данного региона веровали в различные течения и культы. Здесь сохранились элементы шаманизма, тенгрианства, зороастризма, буддизма, христианства, манихейства и местных культов. С распространением ислама поклонение камням, деревьям, явлениям природы продолжалось, но им уже придавался статус мусульманских святынь. Таким образом, центральноазиатский ислам впитал в себя элементы и традиции древних верований. Лишь сохраняя некоторые черты прежних культов, ислам утвердился на территории данного региона. Поразительна устойчивость и пластичность домусульманских верований, органически слившихся с исламом. И даже в советское время традиции, генетически восходящие к домусульманским верованиям, сохранили в быту большую стойкость, нежели нормы ортодоксального ислама. Это объясняется тем, что идеи, глубоко укоренившиеся в сознании людей, сразу вытеснить трудно, а порой и невозможно. Для этого нужна сильная духовная основа.

Центральная Азия являлась своего рода очагом для взаимовлияния и взаимотерпимости мировых религий и локальных

культов. Фактически, это редкий в своем роде опыт человечества по численности и длительности сосуществования важнейших вероучений. Это, несомненно, оставило свой след в сознании его нынешних обитателей.

С распространением ислама в регионе домусульманские культовые сооружения постепенно заменялись исламскими. Там, где развивалась городская жизнь с развитой культурой и оседлым образом жизни, естественно, ислам укрепился сильнее, чем в кочевой среде.

Процесс исламизации кочевого населения Центральной Азии отличался от такового в земледельческих областях по ряду объективных и субъективных факторов. Во-первых, кочевники никогда не входили в ареал мусульманской цивилизации, сопровождающейся ломкой местных общественных структур (прежде всего, хозяйственно-культурных типов). Во-вторых, кочевники не вступали в тесные контакты как хозяйственные, политические, материальные, ни в культурные (духовные), с региональными центрами ислама. В-третьих, существовал языковой барьер между мусульманским центром и периферией. В-четвертых, на момент начала исламизации отсутствовали этнокультурные связи между кочевниками Центральной Азии и региональными религиозными центрами. Процесс длился долго и болезненно: роль распространителей ислама выполняли персы, поскольку они в то время занимались торговлей и одновременно были связующим звеном между кочевыми и земледельческими народами.

Другой немаловажный момент – кочевниками был воспринят так называемый «бытовой ислам», или «народный ислам», который ограничивался повседневным, но поверхностным использованием культовой обрядности мусульман. В результате этого в народном сознании произошло смещение доисламских и исламских традиций. Необходимо также учесть, что постоянный приток кочевников в Центральную Азию продолжался более тысячи лет. Естественно, они со своими традиционными языческими верованиями, обычаями и представлениями вливались в мусульманскую среду, и все это сказывалось на процессе исламизации в регионе. Поэтому не удивительно, что, в свою очередь, сам ислам в Центральной Азии подвергся известной трансформации [5, с. 42].

Интересным моментом в истории кочевников является то, что среди них вначале только правящая верхушка того или иного племени принимала ислам. А их сородичи, естественно, тоже считались мусульманами, но исламские нормы и ценности принимались ими очень медленно. Нельзя рассматривать исламизацию региона как моментальный, одновременный и всеохватывающий процесс. Ислам

утверждался постепенно, неравномерно. Несмотря на то, что все религии, исповедуемые народами Центральной Азии, арабами были объявлены ложными, часть населения продолжала исповедовать старые верования.

В распространении данной религии существенную роль сыграли экономические, политические и идеологические факторы. К примеру, для ускорения исламизации обращенных в ислам освобождали от уплаты подушного налога.

По мнению В.В. Бартольда, ислам утвердился в регионе около середины IX века, т. е. спустя полтора века после начала завоевания Мавераннахра [3, с. 232].

Одной из причин успеха ислама является его гибкость. Повсеместно, куда он проникал, он быстро приспосабливался к местным обычаям, к условиям реальной жизни. Поскольку положения учения ханафитов допускают широкое применение местного права, народы данного региона после принятия ислама продолжали жить своими обычаями и традициями.

В XVI–XVII вв. ислам начинает распространяться среди киргизов. Принятие мусульманства укрепляло положение киргизской знати среди среднеазиатских правителей, позволяло слиться с исламским миром и вести равноправные дипломатические отношения, обучать своих детей грамоте в мечетях и медресе, заключать выгодные браки и т. п. Но основная масса кочевников, хотя признала новую религию, на деле была далека от понимания квинтэссенции ислама. Поэтому такие главные обряды, как совершение пятикратного намаза и соблюдение многодневного поста – орозо, выполнялись далеко не всегда. Это объясняется тем, что кочевые народы находились далеко от оседлых цивилизаций и кочевой образ жизни консервировал их мышление. Эти факторы препятствовали развитию ислама в среде кочевников.

Процесс распространения ислама среди киргизов был достаточно длительным. Новая религия была непонятна массам, а часть населения была настроена враждебно к духовенству, начинавшему предъявлять строгие требования в отношении выполнения обрядов и сбора религиозных податей.

Ислам, постепенно превращавшийся в господствующую религию, продолжал уживаться с самыми первобытными суевериями и обычаями древности, имевшими широкое распространение среди киргизов. Он внес незначительные изменения в их моральные устои и бытовой уклад. На первых этапах своего распространения ему

приходилось играть весьма скромную роль, в то время как домусульманские представления были еще довольно сильны.

У народа прочно сохранялся культ божества Тенгри, Умай-эне, Жер-Суу и Таюу [2, с. 156]. Киргизы верили в демонические силы. У них пользовались уважением шаманы, а также далычи, кургучу – прорицатели, провидцы, гадатели. Языческие верования сохранялись и в поклонении земле, воде, родникам, камням, лесу, «святым горам», вознесении молитв Солнцу и Луне. В верованиях киргизов сохранялись пережитки тотемизма. Так, племя бугу почитало оленя как своего прародителя. Широко распространенным был культ предков, духи которых, по поверьям, покровительствовали живым.

В отличие от оседлых народов Центральной Азии, киргизы позже всех приняли мусульманство. Необходимо отметить, что уровень религиозности киргизов севера и юга страны сильно различается, что предопределено историческим развитием региона. Особенностью религиозности киргизов на севере является тесное переплетение мусульманства с языческими домусульманскими верованиями, принятие в исламе только его внешней формы – обрядов, традиций, праздников [4, с. 254].

Особенности религиозности киргизов юга обусловлены историческим развитием и местом ислама у народов, населяющих Ферганскую долину. Этнический состав населения долины был весьма пестрым: там проживало более десяти тюркских и ираноязычных этносов. До создания современных государственных образований все народы региона, кочевые и оседлые, осознавали себя частью территориально единой Ферганы и называли себя «мусульманами», рассматривая мусульманство как альтернативу национальности [1, с. 286].

В советский период истории, несмотря на государственную политику подавления религиозного сознания, в обществе сохранялись религиозные представления. Большая часть населения Центральной Азии, несмотря на жесткое давление сверху, продолжало исповедовать ислам.

На исходе XX в. религия в Центральной Азии расширяет ряды своих приверженцев.

В регионе утвердился ислам суннитского толка ханафитского мазхаба. Особо следует остановиться на положениях этой религиозно-правовой школы, которая прошла долгий путь эволюции и сыграла большую роль в формировании центральноазиатского типа ислама. Нормы ханафитской школы наряду с общими чертами, характерными для остальных регионов мусульманского мира, в Центральной Азии

имели особые формы проявления. Так, несмотря на признание теократического («слитного») характера власти, на практике в мусульманских государствах Центральной Азии фактически раздельно существовали сферы деятельности государства и духовных лиц. И именно ханафиты привнесли новизну в решении этого вопроса: изначальный запрет на сотрудничество духовных лиц с представителями светской власти в Мавераннахре был снят в конце IX в. выдающимся богословом факихом абу-л-Лайсом ал-Хафиз ас-Самарканди [5, с. 44].

Актуальность ислама для Центральной Азии бесспорна, он часть истории, культуры и важнейшая сторона жизни населяющих ее народов. Регион оказал достаточно сильное влияние и внес заметный вклад в развитие мусульманской культуры, общей теории и практики исламского права. Труды выдающихся исламских просветителей и теологов – Ахмада Яссави, аль-Бухари, Бурханиддина аль-Маргинони, ас-Самани, аз-Замахшари и других – оказали сильное влияние и внесли заметный вклад в развитие мусульманской культуры, общей теории и практики исламского права. Их работы с интересом изучаются и сегодня. Известный исламский богослов Центральной Азии, основатель школы матуридийа, философ Абу л-Мансур ал-Матуриди, в X в. сказал: «У человека есть возможность выбора». Следует отметить, что самым полным сборником хадисов пророка Мухаммада (ас) является «Сахих» аль-Бухари [3, с. 230].

Традиционный ислам соответствует принципам демократии в новых независимых странах региона. В постсоветских центрально-азиатских странах ислам постепенно укрепляет свои утраченные в обществе позиции.

В условиях идеологического вакуума люди ухватились за религиозные ценности, помогавшие в преодолении духовного кризиса. Сегодня в обществе процветают безнравственность, коррупция, алкоголизм, наркомания и пр. В этом отношении ислам располагает огромным потенциалом, который можно использовать в борьбе с этими негативными явлениями.

Ислам представляет собой справедливый экономический порядок, сбалансированный общественный строй, гражданское, уголовное и международное право. В нем присутствуют идейная организация и физическое воспитание. Все это существует на основе убеждения в сочетании с моральной направленностью и духовным воспитанием.

Стоит отметить, что ислам вообще рассматривался народом даже в советское время как способ нравственного оздоровления общества.

В обыденном народном сознании нравственность и ислам почти всегда идентифицировались.

В современных условиях ценности ислама выступают своеобразным вектором поиска духовной идентичности народов Центральной Азии.

Список литературы:

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – 286 с.
2. История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2000. – 156 с.
3. Молдалиев О.А. Ислам и политика. – Бишкек, 2008.
4. Стратегическая матрица Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития. – Алматы, 2007. –254 с.
5. Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии. – Бишкек, 2005.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Алимова Клара Тойгонбаевна
старший преподаватель кафедры философии и социальных наук,
Кыргызского государственного технического университета
им. И. Раззакова,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: Alimova.kt@mail.ru

RELIGIOUS EXTREMISM IN KIRGIZSTAN IN A TRANSITIONAL PERIOD

Klara Alimova
senior teacher of department to Philosophy and social sciences,
Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakova,
Kyrgyzstan, Bishkek

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована проблема религиозного экстремизма в новых условиях. Государство стало сотрудничать с конфессиями на основе Конституции КР и старалось не допускать деятельность

деструктивных, экстремистских организаций на религиозной почве. Власть должна в полной мере использовать духовный, созидательный, нравственный потенциал каждой религии для борьбы с экстремизмом, использующим религиозную терминологию. Рассматриваются деятельности партии Хизб-ут-Тахрир* и Ваххабитской организации и религиозная ситуация в республике. В конце статьи приведены выводы по поднятой проблеме.

ABSTRACT

In the article a analized problem of religious extremism is in new terms. The state began to cooperate with confessions on the basis of Constitution of Kyrgyz Republic and tried to shut out activity of destructive, extremist organizations on religious soil. Power must to a full degree use spiritual, creative, moral potential of every religion, for a fight against extremism using religious terminology. Examined to activity of party of Hizb-ut-Tahrir and organization of Vahabbit and religious situation in a republic. At the end of the article conclusions over are brought on lifted issue.

Ключевые слова: ислам; религиозный экстремизм; Хизб-ут-Тахрир*; ваххабизм; Исламское движение Узбекистана; Дааваt уль-Ислам.

Keywords: islam; religious extremism; Hizb-ut-Tahrir; vahabbizm; Islam motion of Uzbekistan; Daaavat Ul-islam.

После распада СССР Кыргызстан стал суверенным, независимым государством и получил возможность самостоятельно определять экономическое, политическое и культурное развития страны. Вместе с Союзом ушла в прошлое и коммунистическая идеологии, и в результате в стране образовался идеологический вакуум.

С демократизацией общественной жизни в стране начал возрождаться ислам. В декабре 1991 г. был принят Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» с учетом международных норм, стандартов ОБСЕ на свободу совести и вероисповедания, и была создана правовая база взаимоотношений государства с религиозными организациями.

В 1996 г. была образована Государственная комиссия при Правительстве КР по делам религий, в ее функцию входил контроль за прибытием иностранных миссионеров, регистрация новых религиозных течений и направлений, создание условии для деятельности религиозных учебных заведений.

В 1990-е гг. в Кыргызстан начали прибывать исламские миссионеры, которые способствовали реисламизации киргизского

общества. Стали появляться исламские организации. Так, в 1995 г. в республике была отмечена деятельность четырех исламских организаций: 1) Даават уль-Ислам; 2) Исламский культурный центр; 3) Ваххабиты; 4) Кружки по изучению основ ислама. Они занимались культурно-просветительской деятельностью. Последние две организации действовали на юге [1, с. 67].

В эти годы в стране началось массовое строительство мечетей, финансируемое исламскими государствами, особенно Саудовской Аравией. Большое значение приобрело паломничество в Мекку.

Если раньше киргизское духовенство подчинялось Средне-азиатскому управлению мусульман (в г. Ташкенте), то теперь в стране стало функционировать самостоятельное Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК), 9 казыятов (территориальных структур ДУМК), а также 1600 мечетей, 25 центров, фондов и объединений ислама, 3 миссии зарубежных конфессий ислама. На данный момент проводят обучение 7 исламских институтов и 41 медресе и классов по изучению Корана [5, с. 16]. Издаются также религиозные газеты.

В Кыргызстане успешно проводят свою деятельность мусульманские миссионеры из Турции, Пакистана, Индии, Сирии, Египта, Кувейта, Иордании, Ирана и других стран. Стали открываться специализированные магазины исламской («Аль-Худо»; иранский) литературы. В большом количестве стала продаваться религиозная литература в местах массового скопления людей. Многие мечети стали проводить богослужения по этническим признакам (киргизские, дунганские, уйгурские).

Религиозные экстремистские организации осуществляли свою деятельность на юге страны. С начала 90-х гг. среди узбекской части населения усиливается влияние ваххабизма: «Хизб-ут-Тахрир аль-Исламия*», движения «Адолат», «Ислам Лашкерлари» и других религиозных течений экстремистского толка. Особую активность проявляет партия «Хизб-ут-Тахрир*», которая строила свою программу на пропагандистской деятельности. Сторонники этой партии распространяли листовки, брошюры, книги на узбекском, киргизском, русском языках. Деятельность членов партии была очень законспирирована. Членами групп являлись родственники, которые создавали небольшие предприятия, отчисляя 20 % заработка в их счет. Один из лидеров «Хизб-ут-Тахрир*» А. Юлдашев приспособил деятельность партии к местным условиям, и его последователей стали называть «Акрамиа» [2, с. 129]. Деятельность членов акрамиа была замечена в Оше.

Если принять во внимание членов экстремистских религиозных групп, то выясняется, что это молодые люди от 18 до 35 лет, и они сформировались в условиях, когда в странах Центральной Азии происходила смена форм государственной власти, хаос, неразбериха и война в Афганистане. Все это совпало с активизацией религиозной деятельности различных конфессий и религиозных течений в Кыргызстане и «бескорыстной помощи» из-за рубежа в деле становления новых отношений государства с религиозными организациями.

Ваххабиты особенно усердно работали среди узбекской части населения. Ваххабизм, как известно, возник в конце XVIII в. в Саудовской Аравии. Ваххабиты боролись и борются за чистый ислам «времени Пророка и первых четырех праведных халифов». Можно сказать, что ваххабизм явился ответом на те изменения, которые происходят в политической, экономической и идеологической жизни государства. Определенную роль в распространении религиозного экстремизма на почве ислама сыграла война США в Ираке, а также глобализация. Это было действие «неверных» против ислама. Ваххабиты опасны еще и тем, что искажают Коран и призывают к священной войне против «неверных», «многобожников» и «лицемеров» [4, с. 591].

В августе 1996 г. на территории Афганистана члены экстремистских религиозных групп, бежавшие из Узбекистана, создали ИДУ; Исламское Движение Узбекистана, с целью создания мусульманского теократического государства Халифат – на территории тех стран, где проживают мусульмане. Костяк ИДУ составили члены обществ «Адолат», «Ислам ляшкарлари», а также стороны Т. Юлдашева и Дж. Намангани. ИДУ в первые заявила о себе в 1997 г. [5, с. 17].

В августе 1999 г. члены вооруженной исламской группировки (ИДУ) вторглись в пределы юга Кыргызстана. В этот период происходили вооруженные столкновения между боевиками и правительственными войсками. Через год в августе боевики ИДУ вновь вторглись в пределы Кыргызстана, и боевые действия продолжались ровно месяц. Среди боевиков ИДУ были представители различных национальностей. Они были хорошо экипированы картами, приборами ночного видения, высокоточным снайперским оружием. Вторгшиеся боевики были международными террористами, прикрывавшимися знаменем ислама. Они преследовали цели дестабилизировать обстановку в Центрально-Азиатском регионе, увеличить количество перебрасываемых наркотиков [6, с. 11–15].

Во многих странах мира ИДУ запрещена как террористическая организация. Члены этой запрещенной организации легально действуют во многих странах Европы. Особенно в тех странах, где применяются двойные стандарты в отношении экстремистов на религиозной почве, боевиков, воюющих под знаменем национально-освободительной борьбы.

Религиозные экстремисты заявили о себе в конце XX в. после Иранской революции и долгой войны в Афганистане. С этого времени понятие «экстремизм» и «терроризм» стали связывать с исламом. Особенно остро стоит проблема религиозного экстремизма в связи с деятельностью ныне запрещенных «Хизб-ут-Тахрир*», ИДУ и движения ваххабитов. Действия этих новых религиозных направлений не могли не вызвать ответную реакцию у представителей наций, исповедующих ислам. Отсутствие нравственных жизненных ориентиров, нищета, безработица, произвол представителей власти, несправедливая приватизация, невыполнение различного рода правительственных программ явились источниками религиозного экстремизма.

Разрушение экономических, политических, культурных связей между бывшими советскими республиками, нравственная деградация, падение уровня культуры, вестернизация общества (навязывание западной демократии и образа жизни) – все это создало благоприятные условия для распространения религиозного экстремизма.

Опасность религиозного экстремизма на почве ислама заключается в том, что он взял на вооружение терроризм и превратился в крупнейшую международную организацию.

Противостоять религиозному экстремизму можно только совместными силами Шанхайской организации сотрудничества. Важное значение имеет создание Антитеррористического центра для борьбы с международным терроризмом с дислокацией штаба в Бишкеке (позднее он был перенесен в Ташкент).

По данным экспертов Антитеррористического центра СНГ, экстремистских организаций насчитывается: в России и Азербайджане по 15, в Казахстане – 12, Таджикистане – 29, в Узбекистане – 19 и в Кыргызстане – 4. На территории стран Центрально-Азиатского региона действуют экстремистские и террористические организации: «Исламская партия Туркестана», «Исламское движение Узбекистана (бывшее ИДУ)» «Организация освобождения Туркестана», «Хизб-ут-Тахрир*» и другие [3].

Наиболее либерально относятся к экстремистским религиозным организациям в Кыргызстане. По некоторым данным, в Кыргызстане

около 5 тысячи членов «Хизб-ут-Тахрир*». Члены «Хизб-ут-Тахрир*» имеют широкую поддержку среди жителей Ошской и Жалалабадской областей. Кыргызстан в виду либерального отношения к различным религиозным организациям различных направлений является раем для миссионеров, прозелитов и новых религиозных направлений. На границах с Кыргызстаном, в Таджикистане и Казахстане активизируется деятельность экстремистских, деструктивных религиозных организаций. Взрывы в Душанбе и майские события в Андижане, ряд судебных процессов в Атырау и Чимкенте являются тому свидетельством.

Распространению исламского экстремизма способствует экономическая, социально-культурная, психологическая деградация.

Большинство населения Кыргызстана исповедует ислам. Просветительская и созидательная роль ислама в воспитании молодежи велика. Именно его духовный, нравственный потенциал необходимо использовать в полной мере.

В заключение можно предложить несколько рекомендаций для уменьшения опасности исламского экстремизма в КР:

1. Создавать у населения твердые убеждения, ясно и четко определять ориентиры для борьбы с теми, кто извращает непреходящие ценности ислама.
2. Деятели религиозных культов должны уметь вести полемику с представителями крайних, религиозных экстремистских течений на телевидении и радио.
3. Давать ежемесячный обзор в прессе подрывной деятельности религиозных экстремистских организаций, опубликованных в Интернете и на страницах средств массовой информации.
4. Ввести в вузах спецкурс «Студенческая молодежь против религиозного экстремизма».
5. Исламское духовенство Кыргызстана в полной мере способно подготовить необходимое количество грамотных, квалифицированных кадров для обслуживания нужд населения республики в служителях культа.
6. Совместно с религиозными деятелями Центральной Азии давать основательный отпор деятельности «Хизб-ут-Тахрир*». Большой опыт в этом направлении накоплен в Таджикистане. Такую борьбу должны проводить совместно парламентарии, работники правоохранительных органов, журналисты, духовенство.

* *Террористическая организация, деятельность которой запрещена в России* – прим. ред

Список литературы:

1. Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в Центрально-Азиатских новых независимых государствах // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 67–77.
2. Бабаджанов Б. Ферганская долина: источник или жертва исламского фундаментализма? // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4 (5). – С. 129–138.
3. Балакина И. Голос из подполья // Российская газета. – 8.12.2005.
4. Володина Н. Особенности экстремизма на религиозной почве // Безопасность Евразии. – 2002. –№ 3. – С. 591–598.
5. Мамаюсупов О.Ш. Вопросы (проблемы) религии на переходном периоде. – Б. 2003. – С. 16–17.
6. «Не перерастает локальный конфликт в религиозную войну». – Бишкек, 2001.

ДЕЛО «АЛАБАМЫ»: ПОПЫТКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ (1865–1869)

Киселева Ольга Анатольевна

доц., канд. ист. наук, доц. Вологодский государственный университет, РФ, г. Вологда
E-mail: olgakiseleva03@mail.ru

THE “ALABAMA” AFFAIR: THE EFFORTS OF SETTLEMENT (1865–1869)

Olga Kiseleva

candidate of Historical Sciences, Vologda State University, Russia, Vologda

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается содержание Дела «Алабамы» в отношениях между США и Великобританией после гражданской войны (1861–1865). Характеризуется рост экспансионистских настроений в США, планы аннексии Канады и крах попыток урегулирования Алабамского кризиса.

ABSTRACT

The article is devoted to the researching of the “Alabama” Affair in anglo-american relations after Civil War (1861–1865). The author characterises the movement for territorial expansion in the USA, their plans of Canada’s annexion. It made all efforts of resolving problem unsucsessful.

Ключевые слова: англо-американские отношения; аннексия Канады; Дело «Алабамы» (Алабамский кризис); кодификация международного права; конвенция Джонсона-Кларендона, реконструкция, экспансионистское движение.

Keywords: the “Alabama” Affair (the Alabama crisis); anglo-american relations; annexion of Canada; international laws’ codification; the Johnson-Clarendon convention; reconstruction; expansionist movement.

Гражданская война в США (1861–1865) имела переломное значение не только для внутреннего развития страны, но и для ее внешней политики. С одной стороны, с ее окончанием возросли экспансионистские настроения части политической элиты, с другой, – был нанесен серьезный ущерб флоту – традиционному инструменту, позволяющему реализовать внешнеполитические замыслы.

Накануне войны между Севером и Югом США выступали серьезным конкурентом Великобритании на море – их торговый флот занимал второе место в мире. Блокада южных портов, пиратские операции рабовладельцев против флота северян подорвали позиции США в морском торговом судоходстве. К окончанию конфликта он составлял менее трети довоенных размеров. Это снижало способность американского капитала к активному внешнеторговому проникновению. Военно-морской флот США в начале 1860-х г. был также одним из сильнейших в мире и состоял из 700 судов общим водоизмещением 0,5 млн. т с 5 тыс. орудий на борту. К 1870 г. он насчитывал менее 200 кораблей водоизмещением 0,2 млн. т с 1,3 тыс. орудий. В действительности, сокращение размеров военного флота было гораздо более сокрушительным: число боеспособных судов, готовых к выходу в море, включая транспортные и госпитальные, составляло всего 52 [10, с. 165–166].

В глазах американцев плачевное состояние их флота было результатом враждебного отношения Англии к Северу в годы конфликта с Югом. Антибританские настроения концентрировались вокруг действий судов «Алабама», «Джорджия», «Шенандоа», «Орето», и других каперов конфедератов, построенных и снаряженных в британских портах. Судовладельцы и страховые компании возлагали

вину за нанесенный ущерб на Великобританию и выдвинули требования его компенсации. Эти требования получили название «алабамских претензий» [5, с. 111].

Но строительство крейсеров было лишь одной из многочисленных форм помощи Югу со стороны «владычицы морей». Среди других – широкое использование флотом Конфедерации портов Британской империи в качестве своих баз, содействие проведению – рейдерских операций против Союза с территории Британской Северной Америки, финансовая поддержка правительства конфедератов. Позиция Великобритании в годы войны, характер и размеры ее помощи мятежным штатам, когда шла борьба за сохранение единого американского государства, с необходимостью обусловили перерастание вопроса о возмещении ущерба, нанесенного торговле и флоту США, в вопрос о принципиальном соответствии политики Англии провозглашенному ею нейтралитету и превращении частных требований в национальные. Это и составило основное содержание дела «Алабамы» или «Алабамского кризиса» в американо-английских отношениях второй половины XIX в.

Еще в ходе гражданского конфликта федеральное правительство в полном соответствии с международным правом предъявило Англии претензии за действия «Алабамы» и других каперов конфедератов, оснащенных и вооруженных в Англии. Британское правительство их отклонило. Ч.Ф. Адамс, американский посланник в Лондоне, неоднократно в 1862–1865 гг. указывал «на ответственность Великобритании не только за ущерб, нанесенный собственности частных лиц, но и за национальный ущерб, в том числе за уничтожение большой части флота США» [11, с. 45]. Премьер-министр Рассел отверг это обвинение на том основании, что, «английская корона не несет ответственности за действия подданных за пределами ее юрисдикции».

Состояние отношений с Англией привлекало пристальное внимание различных кругов в США. В сентябре 1865 г. в «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано открытое письмо Ф. Либера, специалиста по международному праву, государственному секретарю У.Г. Сьюарду. В этом письме он рассматривал возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Ф. Либер отверг обычный дипломатический путь решения дела «Алабамы» – через подписание двустороннего договора – в силу остроты и длительности конфликта. Он признал несостоятельной и идею войны, которая в данном случае принесет лишь еще большие материальные убытки для сторон. В итоге юрист пришел к выводу, что единственным реальным способом

урегулирования мог быть признан арбитраж – третейский суд, состоящий из выбранных сторонами судей, которым они добровольно передадут на рассмотрение спорные вопросы [3, с. 58–59]. Выступление Ф. Либера стало толчком к обсуждению правоведами обеих стран вопроса о том, кто и каким образом может осуществить арбитраж. Среди принявших участие – такие видные специалисты международного права, как Т. Болч (коллегия адвокатов Филадельфии), Д. Филд (коллегия адвокатов Нью-Йорка), Дж. Уэстлейк, впоследствии профессор международного права в Кембридже, и многие другие. В центре внимания участников дискуссии находился не только вопрос о составе и задачах третейского суда по делу «Алабамы», но и проблема более общего характера – создание общей системы международного арбитража и ее принципы. Хотя этот вопрос не был решен ни с правовой, ни, тем более, с дипломатической точки зрения, важно , что его обсуждение «предвосхитило» некоторые вопросы, возникшие при подготовке 1 и П Гаагских конвенций (1899, 1907) – о мирном разрешении международных споров и об учреждении международного призового суда.

Но в США в этот период раздавались и другие голоса. 26 июля 1866 г. Палата представителей приняла к рассмотрению билль, разрешавший снаряжение на территории США военных кораблей и экспедиций против других стран. В начале 1867 г., в ходе переговоров с правительством России о покупке Аляски, госсекретарь У.Г. Сьюард открыто заявил, что считает своей задачей усиление американского влияния в Канаде и приближение даты ее присоединения к США. При таком развитии событий, по его мнению, Англия и Североамериканская республика избавятся от причин, вызывавших взаимное раздражение [4, с. 307]. Другими словами, госсекретарь в самом общем виде выдвинул план присоединения Канады к Соединенным Штатам в качестве компенсации за «алабамские претензии». В ноябре 1867 г. в связи с начавшейся англо-абиссинской войной в сенат была внесена резолюция, предлагавшая признать за Абиссинией те же права, какие были признаны Великобританией за мятежниками-конфедератами [6, с. 102]. Несомненно, это была угроза Англии нанести удар по ее торговле и флоту при помощи кораблей, построенных в США для ее противников, если она не признает американских претензий и не согласится на их компенсацию.

Несмотря на то, что ни одна из этих инициатив не была реализована, часть деловых и политических кругов в Лондоне пришла к убеждению, что резкий отказ либерального премьер-министра

Рассела обсуждать вопрос об «алабамских претензиях» был ошибкой. Целесообразность пересмотра принятого ранее решения стала темой обсуждения в британском парламенте и прессе [9, с. 45].

К сожалению, принципиальные позиции сторон относительно содержания дела «Алабамы» оставались диаметрально противоположными. Великобритания высказала готовность передать на рассмотрение специально созданного для этого международного арбитража вопрос об ответственности Лондона за действия «Алабамы» и других каперов, построенных и снаряженных на английских верфях, и компенсации ущерба, нанесенного ими имуществу частных лиц. Такой же компенсации подлежало имущество британских подданных, пострадавших от американских судов. США же настаивали на рассмотрении в судебном разбирательстве вопроса о самом праве издания Англией Прокламации о нейтралитете (13 мая 1861 г.), признании Юга воюющей стороной и всех вытекающих из этого последствий.

Задача сближения позиций конфликтующих партнеров и выработки общей платформы была возложена на одного из видных американских юристов, посланника США в Лондоне, Р. Джонсона, сменившего на этом посту Ч.Ф. Адамса, и министра иностранных дел Англии лорда Кларендона. «Конвенция о претензиях» (известная как конвенция Джонсона-Кларендона) была подписана 14 января 1869 г., но, к сожалению, не привела к урегулированию дела «Алабамы», так как была решительно отвергнута американским сенатом 54 голосами против одного. Причин тому было несколько. Во-первых, часть политиков выступила против самого права Великобритании на выдвижение требований компенсации ущерба, нанесенного собственности британских подданных вовремя войны. Во-вторых, большинство сенаторов подвергло документ критике, так как он удовлетворял лишь требования частных граждан обеих стран (так называемые «непосредственные» потери, связанные с их расходами на защиту от каперов, возросшими страховыми взносами и т. д.). Но в нем не было зафиксировано признание вины Великобритании за поддержку Конфедерации Юга во время гражданского конфликта и нанесение «национального» ущерба США путем расстройства их морской торговли, блокады портов и, в конечном итоге, затягивания войны. «Национальный» ущерб был оценен фантастической суммой в 2 млрд. долл. [7, с. 25]. Она была выдвинута неслучайно. В действительности, ряд политических деятелей, включая госсекретаря Г. Фиша, сменившего на этом посту У.Г. Съюарда, были сторонниками идеи присоединения Канады к США в обмен на их

отказ от претензий по делу «Алабамы». Окружение госсекретаря настаивало, что вслед за отклонением Великобританией названной суммы следует предъявить ультиматум о территориальной компенсации ущерба [12, с. 234]. Подобные намерения – безусловное свидетельство возросших после гражданской войны экспансионистских устремлений США [1;2].

Все это вызвало острую реакцию в Великобритании. Министр иностранных дел лорд Кларендон на заседании кабинета 9 мая 1869 г. высказал опасение о вероятности войны с США [8, с. 384]. Премьер-министру У. Гладстону с трудом удалось убедить членов своей партии отказаться от обсуждения «американского вопроса» в парламенте и тем самым избежать дальнейшего обострения ситуации. Таким образом, с отклонением сенатом США конвенции Джонсона-Кларендона и последовавшим за этим нарастанием напряженности в англо-американских отношениях закончился неудачей первый этап уреулирования дела «Алабамы», ставший своеобразной «предисторией» его реального разрешения.

Список литературы:

1. Киселева О.А. Планы аннексии Канады Соединенными Штатами Америки после гражданской войны 1861–1865 г. / О.А. Киселева // Вопросы социологии, политологии, философии и истории. Материалы международной научно – практической конференции. Новосибирск: изд-во «Сибак», 2012. – 151 с. С. 105–111.
2. Киселева О.А. Экспансионистские настроения в США после гражданской войны 1861–1865 г. /О.А. Киселева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы науки и образования: опыт и перспективы»: в 2 т. Т. 1. – Армавир: РИЦ АЛСИ, 2013. – 395 с. С. 124–131.
3. Balch T.W. The Alabama Arbitration. / T.W. Balch. – Philadelphia: Allen, Lane & Scott, 1900. – 150 p.
4. Callahan J.M. American Foreign Policy in Canadian Relations. / J.M. Callahan. – N.Y.: Cooper Square Publ., 1967. – 576 p.
5. Campbell Ch.S. From Revolution to Rapprochement: The US and Great Britain 1783 – 1900. / Campbell Ch.S. – N.Y.:Wiley&Sons, 1974. – 239 p.
6. Congress U.S. Congressional Globe. 40th Congress, 2nd session. – Part 1. – W.: Government Printing Office. 1868. – 1007 p.
7. Congress U.S. Congressional Globe. 41st Congress, 1st session. Appendix. – W.: Government Printing Office. 1869. – 567 p.
8. Donald D. Charles Sumner and the Rights of Man. / D. Donald. – N.Y.: Knopf, 1970. – 595 p.

9. Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. – Vol. 184. – L.: Cornelius Buck, 1868. – 1024 p.
10. Sprout H. The Rise of American Naval Power. / H. Sprout. – Princeton, Princeton Univ. Press, 1944. – 372 p.
11. The Executive Documents. Treaty of Washington Correspondence. – W.: Government Printing Office, 1872. – 675 p.
12. The Makers of American Diplomacy. From B. Franklin to A. Mahan. / Ed. By F. Merli & T. Wilson. – N.Y.:Scribner & sons, 1974. – 335 p.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК «СИСТЕМЫ 3D»

Халяпина Наталья Владимировна
канд. ист. наук, доц. каф. «Мировой политики и международных отношений» Дипломатической академии им. К. Дикамбаева МИД Кыргызской Республики, Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: halainat.8@gmail.com

THE NEW WORLD ORDER OF "SYSTEM 3D»

Natalia Halyapina
ph. D., Assoc. Department World political and the international relation of the Diplomatic Academy of K. Dicambaev of the Kyrgys Republic, Kyrgyzstan, Bichkek

АННОТАЦИЯ

В представленной статье рассматриваются истоки возникновения и специфики функционирования на международной арене «финикийской (ханаанской)» модели миропорядка, которая в исторической науке довольно слабо освещена и мало изучена и которую в современных условиях неоглобализма можно условно назвать «Системой 3D».

ABSTRACT

In the present article deals with the source and specific functioning in international politics "Phoenician (Canaanite)" system of world order, very little studied in the global age, who the name of "System 3D".

Ключевые слова: система; корпорации; «финикийская модель» и др.

Keywords: system; corporations; «finical model» and other.

Знаменательные события минувшего 2015 года, среди которых особо следует выделить введение и последующее продление на неопределенный срок США и странами Евросоюза целого комплекса антироссийских финансово-экономических санкций и разного рода других репрессалий, попытки реинтеграции постсоветского пространства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), декларативное заключение российско-китайского «стратегического партнерства» и геоэкономическое усиление Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), активизация террористической деятельности джихадистов из «Исламского государства» и начало проведения Россией военно-воздушной операции в Сирии, появление в Европе «миграционного кризиса» и создание США зоны Трансатлантического торгового и инвестиционного сотрудничества, а также нового Транстихоокеанского партнерства (ТТП), неумолимо свидетельствуют о полном разрушении всей былой концепции системы мироустройства и наступлении завершающего этапа в процессе формирования на Земле нового мирового порядка.

Сгустившемуся над человечеством сумрачному туману тревожной неопределенности и смятенного ожидания грядущего особо зловещие черты придает окутавшее некоторых мировых политиков сумеречное состояние сознания, порождающее весьма странные международно-политические действия, периодически чередуемые полной отрешенностью и абстрагированием от решения жизненно важных проблем, внезапно наступающими приступами немотивированного страха или агрессивной злобы, сопровождаемые довольно удивительными фразеологическими опусами и образными ассоциациями, в целом свидетельствующими о явном нарушении их адекватной пространственно-временной ориентации в окружающей действительности. Между тем способность политика (равно как и консультирующей его группы экспертов) поставить, подобно врачу диагносту, правильный, то есть точно выверенный диагноз относительно общего «психосоматического» состояния международно-политического сообщества и сложившейся на текущий момент конъюнктурной обстановки в мире, не забывая при этом учитывать всю веерную вариативность алгоритма сценариев развития событий в краткосрочный и долгосрочный хронологические периоды, позволяет не только избежать роковых ошибок и коварных «ударов

в спину», но и оперативно реагировать на возникающие по «лестнице эскалации» разного рода риски, опасности, вызовы и угрозы, открывая тем самым оптимум перспектив к опережающему тактическому маневрированию и стратегическому инициативному превалированию на мировой арене. Как довольно метко заметил современный корифей неоглобализма Генри Киссинджер в своей знаменитой книге «Мировой порядок»: «Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка» [3, с. 10].

В современной научной практике международно-политического прогнозирования (греч. prognosis – предвидение) существуют несколько достаточно хорошо разработанных методик, позволяющих составить вероятностный прогноз параметрической динамики и самого характера развития политической ситуации или предполагаемых событий в будущем. Однако в основе всех исследовательских технологий поискового прогноза лежит довольно простой постулат о необходимости проведения комплексного структурно-информационного анализа всей сложной цепи взаимосвязи и взаимозависимости факторов прошедшего и настоящего с целью обнаружения истоков зарождения и выявления доминирующих тенденций с последующей экстраполяцией их в будущее. Так, например, министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, подводя итоги уходящего 2015 года, который, по его словам, «в международных делах был сложным... Давала о себе знать усиливающаяся конкуренция за воздействие на продолжающийся процесс трансформации международной системы», далее в своем интервью агентству «Интерфакс», сказал: «Более четко обозначились две основные тенденции: с одной стороны, к тому, чтобы направить эту конкуренцию в цивилизованное русло, поставить во главу угла необходимость налаживания серьезной коллективной работы по отражению нарастающих вызовов, по укреплению в общих интересах механизмов глобального управления на основе международного права и центральной роли ООН. С другой – проявлялась линия на обеспечение, вопреки объективной реальности, собственного доминирования в мировых делах, на навязывание всем и всюду своей воли в расчете на извлечение односторонних преимуществ». По словам С. Лаврова накапливались и другие «факторы нестабильности», особенно в мировой экономике, где «на фоне кризисных явлений в Еврозоне и других регионах мира, а также сохраняющейся неравномерности экономического развития,

активизировались попытки оградить свои интересы за счет других, раздробить глобальное экономическое пространство ...» [9].

Однако, если с точным определением господствующих тенденций в мировой политике возникают проблемы, или же в силу ряда причин толерантного свойства (придуманного, помимо прочего, исключительно для того, чтобы не называть вещи своими именами) они не могут быть публично оглашены, прогнозирование может быть проведено на основе аналогии (греч. analogia – соответствие) с прошедшими или же существующими событиями и моделями развития международных отношений и мировой политики в целом. При этом учитывается, что аналоговый прогноз должен быть составлен при содействии сравнительно-исторической схематики с максимальной ретроспективной точностью сопоставления исследуемых международно-политических феноменов. Особо явственно метрономная аналогия прослеживается при исследовании международно-политических обстоятельств распада и последующей необратимой гибели мировых империй, когда наиболее ярко проявляется цикловая константа механизма дисперсной энтропии системной целостности имперского миропорядка.

Стоит заметить, что аналогичность современному ситуационному состоянию развития международной обстановки в мире и предельно четко обозначившихся тенденций нынешнего экзистенциального неоглобализма можно сопоставить со знаковыми событиями XVI – первой половины XVII веков – эпохи Великих географических открытий, положившей начало политики государственного меркантилизма и монетаризма, «векового» конфликта «креста» (Священно Римской империи) и «полумесяца» (Османской державы) и неуклонного наращивания геополитической мощи Московской Руси и Цинского (Маньчжурского) Китая, происходивших на фоне вспыхнувшего в Европе крайне напряженного военно-политического противостояния, начавшегося с религиозного раскола внутри католической церкви и завершившегося фрагментацией всего западноевропейского пространства, закрепленного главенствующей идеологемой «суверенного равенства» и «баланса сил» Вестфальской системой мироустройства 1648 года. Именно в это «смутное время» религиозных войн и повсеместной борьбы «всех против всех», впервые в мировой истории человеческой цивилизации достаточно отчетливо и наиболее ярко определилась стержневая доктринальная первооснова истоков возникновения в Европе острейшего идеократического кризиса и всеобщей континентальной конфронтации – субстанциональное столкновение двух изначально противоборст-

вующих концептуальных подходов и ключевых принципов институционализации базовых элементов миропорядка – имперского универсализма и независимого равновесного статуса всех государственных объединений Европы и мирового пространства в целом, за фасадом которой скрывалась древняя, как этот бренный мир, «финикийская», или «ханаанская» модель мироустройства, которую в XXI веке можно условно назвать «Системой «3D».

Главными приверженцами традиционной имперской (универсальной) модели миропорядка являлись Папское теократическое государство в лице флорентийского Папы Льва X (Джованни де Медичи, 1513–1521 гг.) и королевский дом Габсбургов (Habsburg»), которые с момента коронации в 1519 году Карла V (сына австрийского эрцгерцога Филиппа Красивого и испанской принцессы Хуаны Безумной) императором Священной Римской империи (Sacrum Imperium Romanum), стали весьма активно продвигать идею создания «всемирной христианской монархии» – исторической преемницы легендарной Древнеримской империи, «освященной божественным светом Христа», и Франкской империи Карла Великого. Имперский канцлер Меркурио Гаттинара, в напутственном обращении к девятнадцатилетнему Карлу V, тогда писал: «Ваше величество, ныне, когда Господь щедро наградил Вас, возвысив над всеми другими христианскими королями и князьями до такой степени могущества, которым доныне обладал только Ваш предок Карл Великий, Вы твердо стоите на пути к универсальной монархии, к тому, чтобы подчинить весь Христианский мир одному пастырю». А испанский поэт Эрнандо де Асуан в своей оде предрекал, что отныне будет только «один монарх, одна империя и один меч». В итоге, на императорском гербе Карла V (1519–1556 гг.) появились «геркулесовы столбы» с символическим девизом “Plus ultra” («Все дальше») [10, с. 22].

В свою очередь, ведущими оппонентами воплощения в жизнь габсбургского проекта построения «единой Европы» выступили адепты Реформации и протестантизма, вдохновленные гуманистическими идеями и новой культурной этикой «эзотерического мышления» синхронно развивающегося в Европе «движения Ренессанса», инспирированного главным образом членами тайного общества «Розенкрейцеров» («Орден розы и креста» O.R.C), ставшими также отцами-основателями европейского «спекулятивного» (умозрительного) масонства, т. е., как замечал Томас Де Куинси, «после «пересадки» на английскую почву розенкрейцерство стало масонством», поскольку «Франкмасонство есть не более и не менее чем Розенкрейцерство» [1, с. 366].

В опубликованных между 1607–1617 гг. в Штутгарте и Франкфурте манифестах “Fraternitas Rosae Crucis” (“O.R.C.”) – “Fama Fraternitatis” («Откровение братства R.C.») и “Confessio Fraternitatis” («Исповедание братства» R.C.), равно как и в разного рода памфлетах и литературных одах, по признанию Франсеса Йейтса, «не только излагалась программа научного развития для новой, просвещенной эпохи, но и содержался едва различимый намек на преимущества «незримости» – качества, ставшего «опознавательным знаком» розенкрейцерских Братьев» [1, с. 385]. Кроме того, в “Confessio Fraternitatis R.C.” в аллегорической форме высказывался призыв «Достохвального Братства» к «установлению в Европе правление, коего описание оставлено нам нашим Христианским Отцом [Христианом Розенкрейцером], когда должно будет тому случиться и совершиться; и от того дня Труба наша вострубит во всеуслышание зычно и громогласно, дабы то, о чем теперь тайно утверждают немногие, в образа и фигурах, было возвещено свободно и открыто и исполнило бы собою весь мир. И как прежде многие благочестивые люди, в отчаянии тайно язвившие папскую тиранию, с великой истовостью и небывалым пылом низвергли Папу с немецкого престола и растоптали его пятою [Лютеровской Реформацией], так последнее его падение отсрочено доныне, и удел его – быть разодранным в клочья когтями, и ослиный крик его заглушится новым гласом рыкающего льва. И о том, как мы знаем, достаточно известно, и открыто многим ученым в Германии, чему свидетельством их писания и тайные поздравления» [1, с. 436].

«Однако, – предупреждали братья «Высокочтимого Ордена R.C.», – не станем забывать и того, что наш путь преграждают еще некие орлиные перья» [1, с. 439], под которыми, разумеется, подразумевались крылья двуглавого орла – фамильного герба королевского дома Габсбургов, ставшего, после возведения в самом начале XI века в швейцарской области Ааргау замка Habsburg (Habichtsburg – в переводе с немецкого буквально «Орлиное гнездо»), официальным символом этой династии, также как и монаршего дома византийских Палеологов (1261–1453 гг.).

Для подрезания габсбургских «орлиных перьев», против Священной Римской империи были тогда натравлены с одной стороны Оттоманская Порта, тайно поддерживаемая Францией задолго до кардинала Ришелье, еще со времен правления Франциска I Валуа (1515–1547 гг.), с другой – все протестантские и реформаторские силы Европы, заключившие в 1608 году Протестантскую унию и открывшие в 1618 г. военную кампанию против Габсбургов и их союзников

по Католической лиги 1609 года, вошедшую в анналы мировой истории под названием Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Весьма искусно избранная Протестантским лагерем, к которому вскоре присоединились Франция, в лице короля Генриха IV Бурбона (1589–1610 гг.), Швеция, Дания, Англия и Голландия, единая боевая стратегия и общая корпоративная тактика внешнеполитических действий, главный упор которой делался на длительное изматывание и полное обескровливание всех физических и истощение моральных сил противника в ходе ведения беспрерывной череды локальных войн, позволила добиться превосходных результатов. Особенно это стало заметным после того как в 1632 году был неожиданно смертельно ранен главнокомандующий войск Католической лиги Иоганн Тилли, а вслед за ним, в 1634 г., в ходе мастерски организованного заговора, убит имперский главнокомандующий Альбрехт Валленштейн, так что Габсбурги, равно как и их союзники, фактически остались без талантливых полководцев с заметно поредевшей и деморализованной армией.

В конечном итоге, когда габсбургско-католический блок, которому приходилось одновременно отражать боевые вылазки турецких войск на суши и в Средиземноморье, находился на грани полного краха, в открытую войну против Священной Римской империи решил, наконец, вступить первый министр Людовика XIII и фактический правитель Франции кардинал Арман Жан дю Плесси Ришелье (1624–1642 гг.), предварительно заключив с Голландией и Швецией в 1635 г. союзнические договора. Как совершенно справедливо подметил Г. Киссинджер «если бы императоры из династии Габсбургов играли по тем же правилам или понимали смысл нарождавшегося принципа raison d`etat, они бы сообразили, какими обладают географическими преимуществами. И, возможно, смогли бы добиться того, чего Ришелье больше всего боялся – подавляющего превосходства Австрии и появления Священной Римской империи в качестве господствующей на континенте державы. Однако на протяжении столетий враги Габсбургов выигрывали от неповоротливости и косности и ее неумения приспособиться к требованиям тактической необходимости или понять тенденции будущего ...» [2, с. 49].

Так же нельзя не согласиться с мнением американского историка В. Боусма, в свое время заметившего, что «за новыми ересями лютеранства и протестантизма таились еще более опасные враги, о существовании которых католическим верхам было отлично известно. И Папская курия в конечном счете была менее озабочена

тем, чтобы подавить протестантизм (преходящую угрозу), чем тем, чтобы воспрепятствовать характерному для эпохи возрастанию политического партикуляризма, централизовать церковное управление, которое почти повсеместно переходило на основы федерализма и автономии, подчинить чрезмерно самоуверенных мирян власти духовенства, положить конец опасной свободе художественной и духовной культуры, обосновать иерархической и философской концепцией притязания церкви на контроль над многообразными формами активности христианского мира, короче говоря – приостановить все те процессы развития, которые историками принято связывать с Возрождением» [10, с. 224].

Впрочем, провозглашенному летом 1534 года неподалеку от Парижа (в Монмарте) группой теологов, возглавляемой испанским проповедником Игнатием Лойолой (1491–1556 гг.), монашескому братству иезуитов (Jesuit), утвержденному в сентябре 1540 года папской буллой Павла III (Александро Фарнезе) в качестве “Societas Jesu” («Общество Иисуса»), удалось не только организовать контрреформацию в формате Тридентских соборов, но и провести собственное расследование всех теологических и культурно-исторических истоков возникновения в Европе «движения Ренессанса» и лютеранской Реформации. И несмотря на то, что многие документы этого дознания до сих пор остаются засекреченными и доступными, как у «сынов вдовы», только для «посвященных», утечка информации из европейских масонских лож и иезуитских архивариусов, а также независимые исследования ученых позволили в целом восстановить общую смысловую картину происходящего, равно как и контурных перспектив будущего.

Следует заметить, что издревле противоборствующая «имперской» или «универсалистской» (по определению Генри Киссинджера) концепции миропорядка особая система мироустройства так же далеко была не нова, подобно сотворенному, согласно Рош ха-Шану (с иврита букв. «Голова года», т. е. Новый год), 5777 лет назад земному миру. Эту глобальную модель миропорядка можно условно назвать «Системой «3D», а также «Финикийской» или «Ханаанской (хананейской)», так как изначально она сформировалась именно в Финикии (Ханаане) вслед за появлением в восточном Средиземноморье у подножия Ливанских гор, на береговой полосе современного Ливана, Сирии и Израиля финикийских (как их именовали греки, а позже римляне) или ханаанских (хананейских) племен, биогенетически принадлежавших к семитским племенам, учитывая тот факт, что сам эпоним Ханаан являлся одним

из четырех сыновей библейского Хама – единокровного отпрыска десятого из допотопных патриархов Ноя.

Доподлинная история Финикии (Ханаана) стала известна историкам и широкой общественности после открытия в 1929 году английским ученым Дороти Гэрродом в гроте Шукба на Вади-эн-Натуф в тогда еще британской Палестине (1918–1948 гг.) древнейших поселений, вошедших в археологические сборники под названием «Натуфийской культуры», датируемой X–VIII тысячелетиями до н. э. Обнаруженные им и его последователями возникшие после Всемирного потопа (случившегося, по расчетам современных экспертов, примерно около 12,5 тыс. лет назад) древнейшие города-государства – Бет-Шеан (др.-евр. «Дом спасения», совр. Бейсан), Гезер (совр. Тель-Гезер), Иерихон (др.-евр. Ирихой), Мегиддо (совр. Тель-эль-Мутеселим), Таанах (сов. Тель-Таанек в Иордании), Угарит (совр. Рас-эш-Шамра в Сирии), Хацор (верх. Галилея), Шукба и др., представляли собой конгломерат независимых и политически разобщенных культовых центров, в каждом из которых, подобно Шумеру и Аккаду в Месопотамии, совершались церемониальные поклонения только «своим богам». Всего насчитывалось 11 ханаанских племен, создавших отдельные города-государства, т. к. у Ханаана было 11 сыновей – это Сидон, «первенец его» (впоследствии дочь царя Сидона юная Европа, похищенная Зевсом в облике белого быка и увезенная им на о. Крит и родившая там трех сыновей – родоначальников «божественных» царских династий, станет эпонимом субконтинента Европа), Хет, Иевусей, Аморрей, Гергесей, Евей, Аркей, Синей, Арвадей, Цемарей и Химафей (Быт. 1:10). К слову сказать, в розенкрейцеровских и масонских ритуалах также в круге стоят только 11 «братьев высокого посвящения» во главе с их «отцом», олицетворяющим самого Ханаана. Однако профаны, по невежеству своему, наивно полагают, что эти одиннадцать представляют собой учеников (апостолов) Иисуса Христа без Иуды.

После разгоревшейся во второй половине III тыс. до н. э. легендарной «войны богов и людей», в ходе которой, как блистательно доказал американский ученый Захария Ситчин (1920–2010 гг.), было применено ядерное оружие и «злой ветер» стер с лица земли все шумеро-аккадские города-государства (Ниппур, Ур, Лагаш, Урук, Ларса, Эриду и др.), так что выжить удалось лишь немногим, включая сына царского танху (жреца) Фарра из колена Симонова (Шем) Аврама («Отец выси» – будущий Авраам, родившийся в Уре Халдейском приблизительно в 2123 г. до н. э.), да и то только потому, что к нему явился сам Бог и «сказал Господь Авраму: пойди из земли

твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя» (Быт. 1:12). Уцелевшие в этой кровавой бойне остатки ханаанских племен также поспешили покинуть руины безвозвратно погибших в 2024 г. до н. э. царств Шумера и Аккада и переселиться в северные и центральные районы прибрежной территориальной зоны Средиземного моря.

Необходимо отметить тот факт, что современные историки также датируют момент прихода на территорию Леванта небольшой группы западно-семитических ханаанских (хананейских) племен и последующего возведения ими новых городов-государств – Гебала (Библ), Луза, Сидона, Сихема, Тира, Хеврона и др., именно концом IV – началом III тыс. до н. э. «Споры о происхождении финикийцев велись с давних пор, – замечает автор статьи «Финикийцы: кто они?». – Античные авторы – Геродот и Плиний – считали, что финикийцы прежде жили в пустыне, а потом переселились к морю, продолжая следовать своим обычаям. Так, по словам Геродота, «страшное землетрясение вынудило их покинуть свою прежнюю родину... Они от т. н. Эритрейского моря пришли на это [Средиземное] море и заселили ту страну, где и теперь обитают». По словам известного российского историка Ю.Б. Циркина, «данные, касающиеся языка и мифологии, связывают их именно с Южной Аравией». Многие поколения финикийцев хранили предания о своем переселении с дальнего юга; они рассказывали об этом еще в середине I тыс. до н. э. Очевидно сведения, сообщаемые Геродотом, восходят к рассказу тирских жрецов.

Но как единый народ финикийцы сформировались именно здесь, на ливанской земле, где смешались самые разные племена, неоднократно переселявшиеся сюда. История Ближнего Востока знала множество волн миграций. Народы, говорившие на семитских языках, жили в Передней Азии, вероятно, с VI–V тысячелетий до н. э. В конце III тыс. до н. э. западные семиты – хананеи – заселили территорию Сирии и Палестины. Тысячу лет спустя они были вытеснены из Сирии кочевниками арамеями, а из Палестины еще одной группой родственных им семитских племен – древнееврейскими племенами» [5].

О переселении финикийцев (хананеев) с берегов Красного моря, которое в древности называлось Эритрейским морем, помимо «отца истории» Геродота, сообщали также Плиний, Солин, Страбон и другие античные авторы [6]. Как было замечено в предыдущей моей статье, синхронно с расселением по акваториям Средиземноморья

и в последующем по всем окраинам ойкумены ханаанских (финикийских) племен происходило повсеместное распространение и их культовых традиций, тесно связанных с древнейшей западно-семитской религиозной системой, берущей свое начало в шумеро-аккадской космогонической теогонии рептилоидных «богов»-ануннаков, которым они, в отличие от израильских племен (евреев), остались верны до сих пор [7].

Возникновение самого же обозначения восточного (Левантийского) побережья Средиземного моря топонимом «Финикия» произошло от греческого слова Φοίνικες (Phoenicos) – «Красная (пурпурная) страна», поскольку эта земля издревле славилась производством алой краски, получаемой из особого вида морских моллюсков, в изобилии обитавших в приморских областях Леванта. Согласно древней легенде, некое антропоморфное божество, именуемое Мелькарт, или Милькарт (греч. Μελικέρτης; эллинизация финикийского Milk-Qart – «Царь города»), особо почитаемое в Тире и считавшееся у всех ханаанских (финикийских) племен покровителем мореплавателей и купцов, однажды прогуливалось по морскому берегу со своей собакой, которая постоянно рыская, все обнюхивала и время от времени что-то разгрызая, «неожиданно раскусила раковину, и тотчас ее пасть окрасилась яркой краской, напоминающей горящее пламя». Сначала Мелькарт вздрогнул, подумав, что это кровь. Но вскоре понял, что это краска, и поразился, до чего она прекрасна, так как своим цветом напоминала ему, как и всем его рептилоидным собратьям ануннакам, столь любимую для них алую человеческую кровь. В это время возлюбленная Милькарта, нимфа по имени Тир, убедила его окрасить этой краской свою одежду. И одежда тоже стала изумительно красивой. Так была открыта пурпурная краска. Сам же «божественный» Милькарт, отождествляемый греками с Гераклом (сыном Зевса и смертной женщины Алкмены, который за свое бессмертие должен был совершить 12 легендарных подвигов), будучи племянником Дагона и сыном Зевса Демарунта и богини любви Астарты (шумер. Иштар, греч. Афродита, рим. Юнона), из непреодолимой «любви к людям», научил их технологии добычи этой пурпурной краски и окрашиванию ею своих самых изысканных одежд [8].

Следует заметить, что впервые термин «Финикия» и финикийцы» в качестве обозначения конкретного народа и страны, состоявшей из конгломерата несколько крупнейших левантийских городов-государств (Арвад, Ахзив, Берута, Библ, Луза, Сидон, Тир, Угарит, и др.), встречается у эпического поэта Гомера и является греческим

эквивалентом названия «Ханаан», поскольку сами ее жители рассказывали эллинам о том, что они считают себя потомками сына бога Балу (Баал, греч. Ваал – общесемит. букв. «Владыка / Господин») и его жены Кенет – краснокожего Хна, или Хнаана, что по аккадско-хурритскому билингву означает «Пурпурный (алый) цвет». Кроме того, первые свои монеты финикийцы чеканили из меди (красного металла) и вступающие с ними в разного рода международно-политические контакты народы Ближнего Востока, также именовали их «эдомитянами», то есть «красными» (от др.-евр. Edom – «Красный»), возможно учитывая и тот немаловажный факт, что сами финикийцы первоначально жили на юге Месопотамии, у побережья и на островах Эритрейского моря (совр. Красное море), откуда они, согласно их преданиям, вынуждены были переселиться на север из-за серии сильнейших землетрясений и последовавших вслед за ними волн цунами, затопивших часть островов и прибрежную территориальную зону будущей Халдеи (Кувейт). Однако, именно от этого древнего царства Эдом (греч. Идумея), позже располагавшегося на пустынном плоскогорье между Мертвым морем и заливом Акаба, возникло само название Красное море, ныне омывающее юг Израиля и разделяющее Аравийский полуостров с континентальной Африкой.

Таким образом, изначально финикийцы представляли собой ханаанскую или хананейскую родовую ветвь шумеро-аккадских племен, относящуюся к общей семито-хамитской (Афразийской) макросемьи языков. В более поздний период, на рубеже II–I тыс. до н. э., этноним хананеи (ханаанский народ) окончательно закрепился за финикийцами в качестве этимологического синонима, ставшего широко известным в Древнем мире благодаря их потрясающим географическим открытиям и основанием по всей ойкумене многочисленных торговых факторий и колониальных поселений, в центре которых неизменно красовалось изваяние Милькарта, которому приносились щедрые жертвоприношения [8].

В следующей части нашего исследования будет показан механизм сотворения одиннадцатью фамильными финикийскими (ханаанскими) кланами, возглавляемыми особым «божественным» 12 (в общем и целом именуемые «Комитетом 300»), глобальной транснациональной торгово-финансовой метрополии, весьма успешно функционирующей с первых веков II тыс. до н. э. и уничтоженной Сасанидским Ираном и Римом в ходе трех пунических войн с Карфагеном 264–146 гг. до н. э., и с тех самых пор стремящейся к восстановлению своего былого олигархического могущества путем

свержения и распада мировых держав, что становится вполне реальным в нынешний кризисный период времени путем введения корпоративных технологий финансово-экономической системы «3D соглашений», априори размывающей государственный суверенитет вместе с национальными границами и расчищающей путь к установлению новой «финикийской (ханаанской)» системы миропорядка.

Список литературы:

1. Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвещение / Пер. с англ. А. Кавтаскина под ред. Т. Баскаковой – М.: Алетейа, Энигма. – 1999 – 496 с.: ил.
2. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В.В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
3. Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 512 с.
4. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. – М.: «Директ Медиа Паблишинг», 2007. – 318 с.
5. Финикийцы: кто они? – Режим доступа: – http://counter.rambler.ru.
6. Халяпина Н.В. Миф о «похищении Европы» как символ предопределенности теократического и геополитического раскола Евразии // Электронный научный журнал «Теория и практика современной науки» – Режим доступа: – http://www.iupr.ru.
7. Халяпина Н.В. Появление «сумеречной» Европы и начало распада белого братства “Aryāman dahyunam” («Простора ариев») // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: Сборник материалов 15-й межд. научно-практической конференции (г. Махачкала, 13 декабря 2015 г.) – Махачкала: ООО «Апробация», 2015 – 104 с.
8. Циркин Ю.Б. Мифы и легенды народов мира. Том 12. Передняя Азия – М, 2004 – Режим доступа: – http://www.mycounter.com.ua.
9. Черненко Е. «В Европе все больше понимают суть происходящего на Украине». Глава МИД РФ Сергей Лавров подвел итоги года // Коммерсант. ru 28.12.2015.
10. Черняк Е.Б. Вековые конфликты – М.: «Международные отношения», 1988. – 400 с.

СЕКЦИЯ

«ЭТНОЛОГИЯ»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ РЫНОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕНКОРАНСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Меджидова Лейла Гадир гызы

аспирант, Ленкоранского государственного университета,
Азербайджанская Республика, г. Ленкорань
E-mail: mir-zade2013yandex.ru

THE EMERGENCE OF INDUSTRIAL ENTERPRISES AND THE EMERGENCE OF MARKET ECONOMIC RELATIONS IN THE PROVINCE OF LENKORAN IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Leyla Majidova

postgraduate student, Lankaran state University,
Azerbaijan, Lenkoran

АННОТАЦИЯ

В этой статье на основании авторитетных источников анализируется период образования, особенности и развитие промышленности и рыночных отношений в Ленкоранском уезде в конце XIX – начале XX вв.

ABSTRACT

In this article was reaserchring the basis of authoritative sources of information at the end of the XIX century – the beginning of the twentieth century of Baku, Lankaran district province of the key features of the development of the industry and the formation of market relations, the main issues are discussed.

Ключевые слова: Азербайджан, Ленкоранский уезд, Талыш, Пришиб, Ленкоранский порт, Ново-Афонский монастырь, экономика, промышленность, мукомольное производство, рыбное производство, кирпичных предприятия, лесная промышленность.

Keywords: Azerbaijan, Lenkoran district, Talysh, Prishib, Lankaran port, the monastery of new Athos, economy, industry, flour production, fish production, brick companies, timber industry.

В конце XIX – начале XX вв. в Ленкоранском уезде начали создаваться промышленные предприятия и зарождаться рыночные экономические отношения. В Ленкорани ряд традиционных отраслей ремесла в XX в. приняли промышленный характер. Среди них можно выделить производство кирпича. В этой отрасли производства к началу XX века отмечалось некое замешательство. В начале века в городе было 3 кирпичных предприятия, находившихся на стадии капиталистического развития. На этих заводах работало свыше 50 рабочих. Годовое производство этих предприятий достигало 5200 руб. А в 1915 г. в них производился кирпич на сумму 18000 руб., к указанному году численность таких заводов достигла 60-ти. В сравнении с 60 годами XIX в., годовое производство кирпича на этих заводах возросло примерно в 13 раз. Производимым товаром пользовалось не только городское население, но и население близлежащих деревень.

Мукомольное производство также находилось на стадии промышленного развития. В 90-х годах XIX века в городе наряду с водяными мельницами, также действовали 2 паровые мельницы. Годовое производство этих мельниц, где работало 8 наёмных рабочих, составляло примерно 6100 рублей. К началу XX в. число паровых мельниц доходило до 6-ти, годовое производство достигало 25700 рублей, а численность рабочих составляла 21 человек. Число паровых мельниц в начале XX века в сравнении с 90-ми годами XIX века в этих сугубо капиталистических предприятиях возросло приблизительно в 3 раза, а производство – более чем в 4 раза. А в 1915 г. в городе из действующих паровых мельниц только производство 4-х доходило до 35000 руб. [1; 4–6].

В начале XX в. в регионе действовали 2 рисоочистительные мельницы. Хотя мы не имеем сведений о годовом производстве и численности рабочих на этих мельницах, но у нас имеется факт, что на этих заводах рис отделялся на 3 сорта: высший – отправлялся на продажу, мелкий рис отводили для удовлетворения местных

потребностей, 3-ий мелкий порошкообразный сорт шёл на корм скота [7; 8–10].

В 80-х годах XIX века в городской экономике Ленкорани все больше принимали промышленный характер рыбное производство и лесоматериальное производство. Как известно, рыболовство ещё с периода ханства в городской экономике Ленкорани играло большую роль. Ещё в 70-х годах XIX века в Ленкорани уже стали проявляться в рыбопроизводстве товарно-денежные отношения, и использование наёмного труда было широко распространено. Каждый из этих двух характерных признаков в 80-е годы XIX в. продолжал развиваться, что свидетельствует о развитии капиталистических отношений в этой отрасли хозяйства.

В рассматриваемый период в Ленкоране все шире применялась наёмная сила. Одним из основных источников пополнения рабочей силы являлись разорённые крестьяне, которые после реформы 1870 г. обезземелились или же довольствовались маленьким участком земли, и единственным средством существования для которых являлась продажа собственной силы.

Ленкоранский порт, играя большую роль в расширении из года в год экономических связей Ленкоранского уезда, сам превратился в важный рыбопромышленный центр, что дало толчок развитию здесь капиталистических отношений. Одним из факторов, определяющих капиталистическое развитие рыболовства Ленкорани, это широкое использование наёмного труда. В наёмных рабочих превращались люди, потерявшие средства производства, землю, орудия труда и т. д. Самый большой рыболовный промысел Ленкорана – Гумбаши, примыкая к морскому побережью, имел протяженность 15 км, а ширину 1–1,5 версты.

Промысел состоял из 2 частей. Длина первой составляла 6 верст и находилась близко к городу. Вторая часть располагалась вдали от города её длина составляла 8–9 вёрст, охватывая территорию в 60–70 кв. верст. Это было очень выгодно для рыболовства [1; 48]. Этот промысел с 20 июня 1897 г. был дан в аренду на 12 лет в Ново-Афонский монастырь. Монастырь должен был перевести 4500 руб. в казну. Монастырь, взявший в аренду промысел, на её территории выполнил много организационных и технических работ. Промысел достаточно был оснащён лодками и рыбными сетями. Монастырь Гумбашы (Песочная) взял в аренду левобережье промысла и окрестности острова Сары [10; 2–4]. На промысле Гумбашы была построена высокая башня, откуда монастырь наблюдал за арендуемыми участками и деятельностью рыболовов на этих

участках. Монастырь на территории промысла построил 3 больших амбара. Дорога к ним была асфальтирована. В них разместили 32 деревянные цистерны. В этих цистернах рыбу солили, а затем складывали на деревянные полки рядом с цистернами. Отсюда солённая рыба перевозилась к пропускному пункту на ручных телегах или вагонетках. В каждой цистерне можно было засолить 600–650 пудов рыбы. Кроме указанных амбаров, на территории промысла было несколько небольших амбаров для хранения рыбы и рядом построена церковь, отличающаяся внутренней простотой [10; 2–4]. На промысловом пункте была построена небольшая, но очень удобная гостиница. Здесь арендаторы промысла – «духовные братья» принимали приезжих гостей на высоком уровне. За пределами пункта была построена казарма для рабочих. Чтобы добытую рыбу доставить в город, использовали рыбные лодки. Промысел своей аккуратностью, чистотой, технической оснащённостью занимал первое место среди промыслов от Астары до Дербента. В течение года, за исключением летних месяцев велась работа по добыче рыбы. На промысле Гумбаши, в основном отлавливали кутум, соль, сазан и др.

В первое время годовое производство промысла равнялось 20.000 пудам. Затем эта цифра увеличилась в 3 раза. Промысел, недалеко от острова Сары имел важное значение для рыбной промышленности Азербайджана [1; 2–49]. Этот промысел был сдан в аренду европейцам Ройтману и Кастебру и арменину Сафарову. Добытая рыба отсюда экспортировалась в Астрахань и за рубеж. Годовое производство этого промысла равнялось 80.000 пудов или же 800 тыс. руб.

Выловленная по рейду Сары рыба на пароходах отправлялась в Ленкорань, а отсюда на пароходах, курсирующих по Бакинскому рейду, экспортировалась в другие места. На промысле также производилась качественная икра, экспортируемая из Ленкорани в Румынию и Грецию. Впоследствии промыслы Гумбашы перешли в руки представителей местной интеллигенции – Мир Ахмед хан Талышинскому, Г.З. Тагиеву. В 1913 г. эти промыслы перешли торгово-ростовщическому обществу «Я.И. Лбов и сыновья». Цена промыслов общества в Ленкорани равнялась 1 млн. руб. Они были оснащены большими холодильниками. Здесь действовал также завод по переработке рыбы [2; 45].

Иностранные владельцы, которые гнались за большими доходами, на рыбных промыслах Ленкорани жестоко эксплуатировали рабочих, которые работали по 14–16 часов в день. Они получали здесь огромную прибыль. Один из бывших рабочих рыбного промысла

Гумбаши. И.А. Пономарёв, вспоминая о жестокой эксплуатации рабочих писал, что владельцы хищнически эксплуатировали труд рабочих. Достаточно отметить, что арендаторы промысла Гумбаши получали миллионные прибыли [1; 50].

Таким образом, в рыбной промышленности Ленкорани наблюдалось широкое использование рабочей силы, формирование промысла, как объекта капиталистического производства, арендные отношения, экспорт товаров, как на внутренних, так и зарубежных рынках. Всё это свидетельствует о том, что эта отрасль хозяйства играла важную роль в экономике города Ленкорана и в ней капиталистические отношения пустили глубокие корни.

В конце XIX в. в Ленкоранском уезде ускоренно начала развиваться лесная промышленность. В этот период развитие торговли и расширение иностранных торговых связей дали толчок развитию лесной промышленности.

Начиная со II половины XIX века в уездном центре Ленкоранского уезда – Ленкоране, развитие внутренней и внешней торговли игравших важную роль в экономической жизни города, рост транзитной торговли, создали выгодные условия для развития товаро-денежных отношений. Со всех уголков уезда в город Ленкорань привозились лесные материалы, а отсюда отправлялись в Иран и в Россию. В изготовлении лесных материалов, для перевозки в порт, погрузки на корабли, применялся наёмный труд. Наёмные рабочие за изготовление 1 куб. саж. лесных материалов получали зарплату 1 руб. 20 коп. Процесс перевозки лесных материалов в Ленкорань начинался, в основном, в мае месяце.

Доставленные на кораблях к берегу лесные материалы продавались за 7–9 руб. за куб. сажень. Доставка на этих кораблях лесных материалов до Баку, обходилась в 25–30 руб. за каждые 1000 столбов. Владельцы кораблей доставляли в Баку лесные материалы за плату в 6–7 руб. за каждый куб. сажень [4; 9].

Произведенный в Ленкоранском уезде лесной материал использовался как топливо для Каспийского пароходства, с развитием которого спрос на лесные материалы рос из года в год. Только в 90-е годы XIX века Каспийское пароходство закупило в Ленкорани свыше 12.000 пудов брусов как топливо.

Лесные материалы привозились из ближних лесов Ленкорани. По сведениям источников, вблизи Ленкорана было 6 лесных участков площадью 212 тысяч десятин и 7 молодых подрастающих лесов площадью 116 тыс. десятин. Эти лесные площади часто сдавались в аренду. В производстве сырья часто применялся наёмный труд.

Наёмные рабочие, работавшие в лесной отрасли, были крестьяне и выходцы из ближних деревень, отходники из Южного Азербайджана [1; 11].

Труд наёмных рабочих в основном использовался в срубке деревьев и перевозке в Ленкорань. Лесной материал перевозился в Ленкорань в изготовленных местными материалами телегах. С 30 вёрстного расстояния не более 1000 штук небольших комплект брусьев перевозился в город за 45 руб. А в определённых местах лесного массива каждый пуд брусьев сажень с расстояния 3–14 вёрст перевозился за 3–9 руб. В весенние месяцы в перевозке использовали как наземный, так и речной путь. Одна часть лесных материалов перевозимые в Ленкорань обрабатывались местными мастерами – различные бытовые предметы и сельскохозяйственные орудия, строительные материалы переправлялись в амбары морской дорогой. Лесной материал также использовался в самом городе. Только в городе Ленкорани в количестве 650 куб. сажень как дрова, а 150.000 пуд использовался как древесный уголь. О производстве лесного материала Ленкорани очень мало статистических сведений. Потому что, не вёлся точный учёт производимого лесного материала.

Большую часть лесного материала, нигде не зарегистрировав, экспортировали в другие места. Несмотря на всё это, найденные маленькие ведения также дают возможность создать общее представление о лесном материале Ленкорана. Эти сведения в основном относятся к началу XX века. В 1908 г. в городе производилось 81013 пуд. дубовых брусьев, 306620 пудов дров, 9591 пудов древесных изделий, 55156 пудов древесного угля. А в 1910 г., за исключением древесного угля и древесных изделий, наблюдается спад в производстве других отраслей. Так, в 1910 г. в городе было изготовлено 79460 пудов дубовых брусьев, 23607 пудов дров если было изготовлено, то 10601 пудов древесных изделий (рост более 1000 пудов), 68590 пудов древесного угля (рост 13434 пуда) было произведено. Дубовые брусья и спад количества дров в основном связано с ненастной погодой и это объясняется не своевременной перевозкой сырья с лесных площадей. Впервые десятилетия XX века привлекают внимание числа, отражающие в себе производство лесного материала. Так, в указанный период производилось 170.308 пудов дубовых брусьев (по сравнению с 1908 годом 89.295 пудов больше), 12.054 пудов древесных изделий (рост 2.462), 78.658 пудов древесного угля (рост 23.502 пуда). В источниках отмечается, что в Ленкорани ежегодно производились только древесные изделия на 181 тыс. руб. [9].

Анализируя все приведённые факты и сведения, производство мелкого товара в некоторых отраслях ремесленничества, внедрение наёмного труда, превращение паровых мельниц и кирпичных предприятий в сугубо капиталистические в Ленкорани с 80-х годов XIX века один из основных показательных факторов капиталистических отношений. Производство лесных материалов и рыболовство носили чисто промышленный характер, т. е. отрасли, где больше всего были развиты капиталистические отношения. Город Ленкорань и по суше и морской дорогой мог входить в торгово-экономические связи с Южным Кавказом, Россией и с некоторыми городами Ирана. Расположение в таких выгодных условиях было причиной развития экономики города, расширения торговли и зарождения капиталистических отношений в 80-е годы XIX века. После 80-х годов XIX в., учитывая важное значение в экономической жизни Ленкоранского уезда, стали уделять больше внимания благоустройству транспортных дорог Ленкорани, в том числе, и дороги от Сальян до Ленкорани, длина которой составляло 118 верст. Дороги, связывающие город Ленкорань с некоторыми деревнями уезда, частично подвергались ремонту. В том числе, на дороге между Ленкораном и Пришибом были отремонтированы 3 моста и на это затрачено было деньги около 2000 руб. В начале XX века в Ленкоранском уезде также подходили к концу работы по ремонту и других мостов. На ремонт этих мостов было потрачено 6894 руб. На проходящих через Ленкорань торговых путях, наряду со старыми мостами, для удобства были построены и новые. Один из этих мостов – мост Гумбаши, строительство которого завершилось в 80-х годах XIX века и на это было потрачено 5409 руб.

В связи с общим развитием экономики Северного Азербайджана начали появляться очень выгодные средства связи, а именно: почта-телеграф. Раньше, если переписка осуществлялась через всадников и казацко-наблюдательные пункты, то теперь это выполняли работники почты, благодаря развитию и появлению связи. Первое почтовое управление в Ленкорани появилось в 20-е годы XIX в. и спустя некоторое время, были налажены связи с некоторыми городами Южного Кавказа. Ленкоранское почтовое управление, как и другие управления Южного Кавказа, управлялось директором почты и двумя наблюдателями.

В 60-е годы XIX века продолжалось развитие связи. В 1863 г. был создан Кавказский Округ связи, и разделённый на 4 центральных управления – Ставрополь, Екатеринадор, Тифлис и Ленкорань, включающая и Баку. После 50-х годов XIX века в Северном

Азербайджане началось проведение телеграфных линий. В 1882–1883 гг. была сдана телеграфная линия связывающая Губу-Гусар, Баку-Ленкорань и Сальян, что способствовало прямой связи Ленкорани с Баку [1; 5–8].

Ленкорань, кроме сухопутных дорог, также поддерживала отношения морским путём с некоторыми городами Южного Кавказа, Россией и Ираном. Находясь в 40 вёрстах от побережья Каспия, она (Ленкорань) была портовым городом для таких важных торговых центров, как Ардебиль, Тебриз, Энзели, Решт, Астарабад и Тегеран. При хорошей погоде корабль выехавший из Астрахани за 5 дней доходил до Ленкорани. А из Баку в Ленкорань можно доплыть за 1 день. Выехавший из Ленкорани корабль прибывал в Астрабад за 1,5 дня, в Энзели – за 1 день. Из Ленкорани караванными путями в Энзели, который находился на расстоянии 114 вёрст, можно было доплыть за 6 дней, Решт, находящийся в 245 вёрстах, за 6–7 дней, Тебриз, который в 420 вёрстах за 10 дней. Из Ленкорани в Тегеран караванными путями, дорога составляла 17 дней. В конце XIX – начале XX вв. в Ленкоране основными транспортными средствами были арбы, фургоны, кони и верблюды. В горных дорогах при перевозке грузов в основном использовали лошадей. По сведениям источников, в порте Ленкорана и принадлежащих ей торговых кораблях трудилось около 1170 морских рабочих.

Итак, в конце XIX – начале XX вв. несмотря на проводимые царизмом некоторые мероприятия по улучшению транспорта и связи достичь нужного уровня не удалось, что сказывалось на развитии экономики города. Хотя в условиях развития капиталистических отношений Ленкорань нуждался в транспортных средства и связи.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. как и в других городах Северного Азербайджана, в Ленкоране, Астаре и других городах в Ленкоранского уезда, наглядно можно проследить появление капиталистических отношений. Это непосредственно способствовало развитию ремесла в городах, производства лесных материалов, рыбной промышленности, росту производственного товарооборота из года в год, а также повышению внутренней и внешней торговли.

Список литературы:

1. Джафарли Н.Г. Ленкорань (Исторический очерк). Баку. 1985. – С. 92.
2. Велиев Т.Т. Положение шелководства в Азербайджане в период империализма. Азербайджанская ССР // Известия АН. – 1971. – № 1. – С. 19–26.

3. Велиев Т.Т. Шелкопрядильная промышленность Азербайджана в начале XX века. Баку, 1977. – С. 123.
4. Зейдлис Н. Очерки Южно-Каспийских портов и торговли. Тифлис, 1887. – С. 97.
5. Исследования о состоянии рыболовства в России. Том. 5. СПб., 1863.
6. Исмаилов М.А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX и начале XX вв. Баку, 1964. –С. 145.
7. Обзор Бакинской губернии за 1890 г. Баку, 1891.
8. Обзор Бакинской губернии за 1903 г. Баку, 1904.
9. Очерки сельского и лесного хозяйства Ленкоранского уезда Бакинского губернии. Баку, 1914. – С. 54.
10. Шавров Н.Н. Кустарные шелковые промыслы Кавказа. 1907. – С. 64.
11. Шавров Н.Н. Пчеловодство на Кавказе. Газ. «Кавказ». 1885, № 145. С. 54–56.

ПОЛИТОЛОГИЯ

СЕКЦИЯ

«ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ»

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ

Рыбаков Андрей Вячеславович
заведующий кафедрой политологии, д-р полит. наук, проф.
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет),
РФ, г. Москва
E-mail: rybackov@rambler.ru

ETHNIC RELATIONS: CONCEPTS, MECHANISMS OF FORMATION AND DIAGNOSIS OF THE CONDITIONS

Andrew Rybakov
head of the Political Science Department, Doctor of Political Sciences, Professor, Moscow Aviation Institute (National research University), Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируются понятие межэтнических отношений, факторы, детерминирующие их состояние и конфликтный потенциал. Показано, что характер межкультурных коммуникаций зависит от конкретных исторических, политических, социоструктурных факторов.

ABSTRACT

The report analyzes the concept of inter-ethnic relations, the factors that determine their status and potential for conflict. It is shown that the

nature of intercultural communication depends on the specific historical, political, socio-structural factors.

Ключевые слова: межэтнические отношения; межкультурное взаимодействие; этнокультурная дистанция; конфликтный потенциал.

Keywords: interethnic relations; cross-cultural interaction; ethnic and cultural distance; the potential for conflict.

1. Межэтнические отношения представляют собой разновидность социальных связей между структурными элементами общества, объектом и субъектом которых являются этнические группы.

На макроуровне они носят надындивидуальный, опосредованный социальными институтами общества характер и касаются, прежде всего, проблем экономического, политического, культурного и т. д. статуса различных этнических сообществ в полиэтническом социуме, условий их жизнедеятельности.

На мезоуровне межэтнические отношения выступают как межгрупповые в форме субъективно психологического отношения к соответствующим этногруппам.

На микроуровне речь идет о таких межличностных отношениях, при которых партнеры по взаимодействию и общению относятся друг к другу не как к конкретной личности, а как к представителю определенной этнической группы.

2. Процедура измерения состояния межэтнических отношений требует применения показателей, которые могут считаться объективными фактами (реальные формы взаимодействия и поведенческие акты), и субъективными фактами, свидетельствующими о состоянии массового и группового сознания. В последнем случае определяется отношение к «другим» этническим группам, которое существует в форме социально-психологических феноменов.

2.1. К *историческим детерминантам* актуального состояния межэтнических отношений относятся:

- сам ход исторических событий (благоприятный или неблагоприятный для современных взаимоотношений);
- наиболее значимые события истории, выполняющие роль национальных символов, и их интерпретация с современных позиций, что может иметь или конфронтационную, или взвешенную, компромиссную направленность.

2.2. Важную роль в детерминации состояния межэтнических отношений играют *политические факторы*. Во-первых, это принципы и формы государственного устройства – унитаризм или федерализм;

иерархия этнических сообществ по политическим статусам; институциональное оформление стремления этнических сообществ к политической, культурной автономии в случае, если такие требования выдвигаются. Во-вторых, это характер политического режима. Недемократические режимы, как правило, характеризуются высоким уровнем этнической дискриминации. Демократическая система, базирующаяся на признании равных прав представителей всех национальностей, способствует конструктивному решению «национального вопроса» путем согласования интересов общества в целом и отдельных этнических сообществ. В-третьих, это тип государственной национальной политики. Речь идет о разных концептуальных основах и разных политических практиках решения проблемы полиэтнического состава населения государства.

2.3. Группа *социоструктурных факторов* становится фактором состояния межэтнических отношений в условиях существования:

- социального неравенства по признаку этнической принадлежности;
- взаимосвязанности социальной и этнической стратификации общества;
- диспропорций в экономическом положении, профессионально-квалификационной и образовательной структуре этнических сообществ государства;
- жесткой конкуренции за высшие статусные позиции и такие способы ее урегулирования, как предоставление преимуществ одним группам (чаще всего большинства) и ограничения возможностей социального продвижения для всех или определенных групп, то есть применение практики социальной дискриминации.

Роль социально-структурных факторов в детерминации межэтнических отношений подчеркивает проблемы неравенства этнических групп в социальной системе. Такое неравенство в той или иной степени существовало и существует в каждой полиэтнической стране. Однако в одних случаях оно носит институционально оформленный характер, в других – возникает естественным путем вследствие того, что этническая структура населения страны накладывается на ее поселенческую, профессионально квалификационную структуры, распределение по отраслям народного хозяйства и тому подобное. Именно таким образом, а также влиянием особенностей исторического развития различных народов объясняются различия в статусах различных этнических групп в различных странах. Но даже тогда, когда такая иерархия возникает естественным путем, а не заложена институционально как отношения субординации

(т. е. когда одни этносы доминируют над другими, а последние, занимая более низкий статус, вынуждены подчиняться первым) – все равно, большее представительство в престижных группах одних национальностей, чем других, на личностном уровне воспринимается как дискриминация.

Парадоксальным, на первый взгляд, может считаться тот факт, что уменьшение социального неравенства этнических групп, к чему стремятся все демократические государств, не всегда приводит к улучшению взаимоотношений между их представителями. Более того, отсутствие препятствий на пути к высокостатусным социальным позициям, усиливая конкуренцию между претендентами на эти позиции, способствует росту напряженности в межэтнических отношениях. Ведь те, кто ранее доминировал в верхних слоях социальной иерархии, должны «потесниться», а в том этническом сообществе, представители которого продвигаются в эти слои, начинают расти запросы и притязания.

2.4. Поскольку межэтнические отношения одновременно представляют собой процесс и результат межкультурного взаимодействия, то его успешность зависит от таких факторов, как:

- реально существующая близость / удаленность этнокультурных систем;
- восприятие размера культурной дистанции между представителями тех этногрупп, которые контактируют между собой;
- этнокультурная компетентность субъектов, взаимодействующих между собой;
- уровень толерантности / интолерантности, присущий разным социальным группам населения полиэтнического региона.

2.5. Заметное влияние на состояние межэтнических отношений в форме реального взаимодействия между представителями различных этногрупп могут осуществлять укоренившиеся в массовом и групповом сознании такие социально-психологические феномены, как этнические стереотипы, предубеждения и предрассудки. Они образуют латентную сторону межэтнических отношений, которая может выйти на поверхность в тех случаях, когда это провоцируют внешние обстоятельства, которые представляют угрозу интересам этногрупп, ухудшают условия их существования и развития.

3. Межэтнические отношения имеют значительный конфликтный потенциал, поскольку в их основе лежит разграничение на «мы» и «они». Он усиливается в условиях существующей в полиэтническом обществе конкуренции за социальные ресурсы и достойное место в общественной системе. В большинстве случаев

конфликтный потенциал межэтнических отношений уравновешивается, с одной стороны, настроенностью населения на сохранение межнационального мира, теми формами мирного сосуществования с «другими», которые есть в недрах культуры каждого народа, с другой стороны, – умеренной национальной политикой органов власти, ее направленностью на удовлетворение интересов различных этнических сообществ и поиск компромиссного решения в случае возникающих противоречий.

СЕКЦИЯ

«МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ – ИСКОННО АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Нуриева Ирада Тофик гызы
д-р полит. наук, проф. кафедры «Общественных наук»
Азербайджанского государственного
университета нефти и промышленности,
Азербайджанская Республика, г. Баку
E-mail: iradanuri@gmail.com

NAGORNY KARABAKH – THE AUTHENTIC AZERBAIJAN TERRITORY

Irada Nuriyeva
ph.D Political science, professor of department of social sciences
of Azerbaijan State University of Oil and Industry,
Azerbaijan, Baku

АННОТАЦИЯ

В статье «Нагорный Карабах-исконно Азербайджанская территория» было доказано, что Нагорный Карабах по архивным и историческим документам, по международным правовым нормам, является неотделимой частью Азербайджана. Азербайджан надеется на мирное решение карабахского вопроса.

ABSTRACT

It was proved in the article “Nagorny Karabakh – the authentic Azerbaijan territory” that according to the archive and historic documents and based on the standards of the international law Nagorny Karabakh is inseparable part of Azerbaijan. Azerbaijan hopes for the peaseful settlement of Karabakh conflict.

Ключевые слова: Азербайджан, Нагорный Карабах, исконная, неотделимая, историческая территория.

Keywords: Azerbaijan, Nagorny Karabakh, authentic, inseparable, historic territory.

Спокойствие на Кавказе, в том числе и на азербайджанских землях нарушилось с началом русско-иранских и русско-турецких войн. 1801 г. Восточная Грузия была присоединена к России.

В 1804 г. Иран, встревоженный продвижением русской армии в Азербайджан, начал войну с Россией. Обеспокоенный возможным вторжением иранских войск в карабахские земли, а также наглядно убедившийся в зверских расправах русских с противником, правитель Карабаха Ибрагим-Халил хан вынужден был 14 мая 1805 г. подписать договор о принятии покровительства России. В 1822 г. Карабахское ханство было упразднено, вместо него была создана одноименная провинция. И эта провинция вскоре была упразднена и в 1840 г. превращена в Шушинский уезд, включена в состав Каспийской области. На этом упразднение некогда единого Карабахского ханства не закончилось.

В конце 1861 г. был издан указ «об изменении управления страны Кавказа и Закавказья». Согласно этому указу была создана Елизаветпольская губерния. В состав этой губернии вошли Нухинский, Елизаветпольский уезды, а также расчлененный Карабах – Шушинский и отторгнутый у него Зангезурский уезды. В 1883 г. в составе Шушинского уезда было создано еще два новообразования – Джаванширский и Джебраильский уезды. Это административное деление Карабаха существовало вплоть до 1921 г. [10, с. 209; 213].

Учитывая разногласия по вопросу о Карабахе, Пленум Кавбюро ЦК РКП(б) 5 июля 1921 г. при участии члена ЦК РКП(б) И.В. Сталина и членов Кавбюро Г.К. Орджаникидзе, Ф.И. Махаридзе, С.М. Кирова, Н. Нариманова, А.Ф. Мясникова, А. Назаретяна, М. Орахелашвили, Ю.П. Фигатнера рассмотрев этот вопрос, принял решение: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, оставить Нагорный Карабах в пределах АзССР (Азербайджанский ССР), предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящим в состав автономной области» [1].

Из формулировки постановления: Нагорную часть Карабаха «оставить» в пределах Азербайджанской ССР, видно, что она и до этого была составной частью Азербайджана. Далее говорится

о «предоставлении» Нагорному Карабаху широкой областной автономии. Т. е. Нагорный Карабах до принятия постановления не имел никакой автономии или другой формы государственности. Во время обсуждения данного вопроса на заседании Политического и Организационного бюро ЦК Аз. КП(б) 26 сентября 1921 г. большинством голосов было принято решение: «Просить Кавбюро пересмотреть свое решение о выделении Нагорного Карабаха в автономную единицу, впредь до этого автономию не объявлять» [2].

Однако это прошение не было удовлетворено.

15 декабря 1922 г. был создан Комитет по делам Нагорного Карабаха во главе с А. Каракозовым. К лету 1923 г., обстоятельно ознакомившись с положением на местах, Комитет по делам Нагорного Карабаха под председательством А. Каракозова представил проект разрешения Карабахского вопроса. Рассмотрев этот проект, Президиум ЦК АКП(б) 20 июня 1923 г. под председательством С.М. Кирова постановил: «Считать необходимым выделить Карабах как Нагорный, так и низменный, в одну административную единицу» [3].

Однако 7 июля 1923 г. был издан Декрет Аз.ЦИКа «Об образовании автономной области Нагорного Карабаха» [17, с. 46; 12, с. 20]. Таким образом, «Карабахский вопрос» был решен в пользу армянского населения Карабаха. В это же время в соседней Армении компактно проживала на несколько раз больше азербайджанцев, чем армян в Карабахе, которым никто не собирался представить такую же автономию.

И после установления Советской власти аннексия азербайджанских земель со стороны Армении продолжалась. Так, в 1929 г. «договорным путем», т. е. решением ЦИК ЗСФСР, из земель Азербайджанской ССР передали «братской» Армянской ССР 4572 га лесных угодий – из приграничного Казаха и Дилиджана [13, с. 8].

В 1946–1950 гг. Министерство Лесного Хозяйства СССР «временно» передало Армении еще несколько тысяч гектаров лесных массивов Азербайджана.

Более того, впоследствии из состава Нахичеванской АССР было передано в Армянский ССР 9 сел – Карчеван, Гурд – Гулаг, Горадиз, Огбин, Агхач, Дагын – Алмалы, Ит – Гуран, Алкалы, Султан – бей [5, с. 103; 13, с. 8].

Передача этих сел противоречила международным правовым нормам. Если еще точнее сказать: отнятие территорий из состава Нахичевана, произведено в нарушение Московского договора 1921 г. о дружбе и братстве между РСФСР и новой Турцией. Согласно статье III,

гарантирована автономия Нахичеванского края под протекторатом Азербайджана при условии, что Азербайджанская ССР не уступит сего протектората третьему государству [6, с. 598–599; 17, с. 155].

Как видно, все архивные и исторические документы, подтверждают, что Нагорный Карабах являлся и является составной частью Азербайджана:

1. Курекчайский договор 14 мая 1805 года. Подписан между правителем Карабаха Ибрагим-Халил ханом и Российской империей. Ханство приняло покровительство России;
2. Гюлистанский договор 12 октября 1813 года и Тюркменчайский договор 10 февраля 1828 года. Договоры заключены между Россией и Ираном. Азербайджан с Карабахскими землями принял покровительство России.

Вышеназванные договоры подтверждают неотделимое и законное право азербайджанского народа на исторические азербайджанские земли [11, с. 272–276].

3. «Договор о дружбе и братстве» 16 марта 1921 года между Турцией и Россией в Москве. Нахичевань и Карабах «оставались» в составе Советского Азербайджана [6, с. 598–599; 16, с. 52; 58].
4. 2 марта 1992 года на 46 сессии Генеральной Ассамблеи ООН и Азербайджан со всеми регионами был принят в члены ООН [4, с. 1].
5. Начиная с 1996 года, Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции «О сотрудничестве ООН и ОБСЕ» подтверждает территориальную целостность Азербайджанской Республики (конфликт в Нагорном Карабахе и вокруг него) [9, с. 1].
6. На 59-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2004 году в документ о сотрудничестве между ООН и ОБСЕ была включена поправка, подчеркивающая принадлежность Нагорного Карабаха и других оккупированных территорий Азербайджанской Республике [7, с. 1].

Все договора подтверждают территориальную целостность Азербайджана, а также то, что Карабах являлся и является составной частью и исторической землей Азербайджана.

Армяне, мотивируя тем что, были «нарушены» права армян, проживающих в Нагорном Карабахе, нападая на территории Азербайджана, и создавая там национальное противостояние, нарушили принципы «не вмешиваться во внутренние дела других стран», «не нарушать международные границы других государств», «воздерживаться от какой-либо экономической, политической или военной деятельности на территории других государств без их согласия».

Другой нарушенный принцип – «неприкосновенность границ». По этому принципу существующие границы определяются в соответствие с международным правом. И этот принцип признается всеми государствами [15, с. 42]. А Армения, посягая на границы Азербайджанского государства, нарушила этот принцип международного права.

Нарушен еще один принцип – принцип «территориальной целостности». Признается, что границы колониальных владений или федеральных субъектов являются международными границами новых независимых государств и не могут быть изменены. Государства должны уважать территориальную целостность других государств и воздерживаться от действий, направленных на нарушение территориальной целостности других государств. Государственные территории не могут быть захвачены военно-насильственным путем [15, с. 42].

Государственные территории могут быть изменены только лишь в соответствии международному праву путем международных соглашений [8].

Армяне на территории Азербайджана существуют как национальные меньшинства. А национальные меньшинства составляют часть народа и являются гражданами государства, в котором проживают, владеют своим языком, этносом, культурой и обладают правом на сохранение этих отличительных качеств.

Республика Азербайджан надеется на демократических принципах добиться решения проблем как межгосударственных, так и внутригосударственных. Согласно этим принципам, Азербайджан надеется на мирное решение Карабахской проблемы, так как каждая человеческая потеря для него ощутима, однако он готов в пределах международных правовых норм всеми возможными средствами восстановить свои права [14, с. 110]. Так как Карабах, по всем международным правовым нормам, является неотделимой частью Азербайджана.

Список литературы:

1. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 1, оп. 125, д. 107, л. 107.
2. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 1, оп. 74, д. 140, л. 119.
3. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 1, оп. 44, д. 132, л. 110.
4. Азербайджан в рядах ООН. – [http://library. aliyev-heritage. org/ru/ 9646663.html.p.3. (11.02.2012).

5. Вердиева Х., Гусейн-заде Р. «Родословная» армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Эссэ. Баку: Элм, 2003, 168 с.
6. Документы внешней политики СССР, – М., 1959, Т. 3, 723 с.
7. На Генассамблее ООН в проект документа о сотрудничестве между ООН и ОБСЕ включена поправка, подчеркивающая принадлежность Нагорного Карабаха Азербайджану. Баку / 22.10.04 / Туран: Qarabaq senedlerde | Karabakh in Documents | Карабах в ... karabakh-doc.azerall.info/ru/news/turan 1004.htm. (22.10.04).
8. Нигматуллина З.Б. «Справка из СФ по проблеме Континуитета» /http://savelev.ru //journal/case/attachment/? caseid=49&id=17 (20.03.2010).
9. ООН и Азербайджан. [http://www.azerbaijan.az/portal/WoldCommunity/InterOrginter Org_01_r.html.p.3.(11.02.2012).
10. Азярбайҹан тарихи. Ян гядим дюврлярдян XX ясрин яввялляриня гядяр. Бакы: Елм, 1993, 284 с.
11. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar. Bakı: Azərb. Univ., 1989, 328 s.
12. Абдуллайев Е. Даьлыг Гарабаь проблеми бейнялхалг щцгуг мцстявисиндя. Бакы: Тящсил, 2004, 216 с.
13. Абдуллайев Я. Ермянистанын Азярбайҹана гаршы щярби тяъавцзц вя Щейдяр Ялийевин сцлщ стратеэийасы. Бакы: Елм, 1999, 160 с.
14. Щяъяр Абдаллы. Азярбайҹан, дцнйа бирлийи вя Гарабаь проблеми. Бакы: Йени Нясил, 2003, 130 с.
15. Щцсейнов Л.Щ. Бейнялхалг щцгуг. Дярслик. Бакы: «Щцгуг ядябиййаты», 2000, 408 с.
16. Ордубади М.С. Ганлы илляр. 1905–1906-ъы иллярдя баш верян ермяни-мцсялман давасынын тарихи. Бакы: 1991, 274 с.
17. Зейналова Т.М. Азярбайҹан милли-дювлят гуруҹулуҹу тарихиндян (1920–30-ъу илляр). Бакы: Елм, 2004, 176 с.

СЕКЦИЯ

«ПОЛИТИКА В РОССИИ»

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: К ВОПРОСУ ОБ ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Короткова Мария Николаевна
канд. полит. наук, доц. Пермского государственного медицинского университета им. ак. Е.А. Вагнера,
РФ, г. Пермь
E-mail: korotkova_mariya@mail.ru

Потапова Ирина Александровна
студент Пермского государственного медицинского университета им. ак. Е.А. Вагнера,
РФ, г. Пермь
E-mail: potapova.ira@mail.ru

SOCIAL POLICY: ON THE INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA

Mariya Korotkova
candidate of political sciences, assistant professor Perm State Medical University of a name of the academician E.A. Wagner,
Russia, Perm

Irina Potapova
student Perm State Medical University of a name of the academician E.A. Wagner,
Russia, Perm

АННОТАЦИЯ

Авторы статьи подводят итоги исследования, которое проводилось на базе реабилитационного центра для детей и подростков

с ограниченными возможностями: выясняют отношение респондентов к инклюзивному образованию в России; отмечают различия в восприятии инклюзии специалистами и родителями.

ABSTRACT

The authors summarize the results of the survey, which was conducted on the basis of a rehabilitation center for children and adolescents with disabilities: find out respondents' attitudes towards inclusive education in Russia; note the differences in the perception of inclusion specialists and parents.

Ключевые слова: Социальная политика государства, здравоохранение, инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями, социологический опрос.

Keywords: Social policy, health care, inclusive education, children with disabilities, a sociological survey.

Согласно Федеральному Закону «Об образовании в Российской Федерации» государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на ряде принципов, один из которых – «обеспечение права каждого человека на образование» [6]. Для лиц с ограниченными возможностями создаются специальные условия, «в том числе посредством организации инклюзивного образования» [6]. Последнее «подразумевает обеспечение равного доступа к образованию всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [3]. Правовые основы инклюзивного образования в России были заложены в 2010–2012 годах в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации», Национальной стратегии действия в интересах детей на 2012–2017 годы, Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», государственной программе «Доступная среда» на 2011–2015 годы [4].

С точки зрения Председателя Совета Федерации РФ В. Матвиенко, инклюзивное образование сегодня является способом «социальной несправедливости в отношении детей с отклонениями в физическом и психическом здоровье. Десятилетиями такие дети во всех странах мира были ограничены в возможностях своей социализации, формирования себя как личности, способной достаточно активно участвовать в жизни общества, реализовать себя в ней. И ограничения эти закладывались уже на стадии получения образования, поскольку в обычную общеобразовательную школу доступ таким детям был фактически закрыт» [4]. Российское

общество, однако, не столь оптимистично в оценке перспектив инклюзивного образования. Согласно масштабному социологическому опросу, проведенному ФОМ в 2012 году, каждый третий житель страны выступил против инклюзии, то есть совместного обучения здоровых детей и детей с ограниченными возможностями [5].

Подобные опросы, как правило, учитывают мнение только одной стороны. По умолчанию инклюзия преподносится как бесспорное благо для детей с ограниченными возможностями, соответственно подразумевается безоговорочное принятие данной политики и детьми, и их родителями. Но так ли это на самом деле? В 2015 году кафедра «Истории Отечества, истории медицины, политологии и социологии» Пермского государственного медицинского университета имени академика Е.А. Вагнера Минздрава России выступила организатором опроса, который проводился на базе бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями «Анастасия» г. Лангепас». В опросе приняли участие 50 человек: специалисты центра и родители детей с ограниченными возможностями (таблица 1, таблица 2).

Таблица 1.

Родители (кол-во чел.)

Пол		**Образование**					**Род деятельности**			**Возраст**		
Женщины	Мужчины	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Среднее специальное	Неполное среднее	Служащий	Рабочий	Домохозяин	26-35	36-45	46-55
21	2	9	1	4	8	1	12	5	6	12	10	1

Таблица 2.

Специалисты (кол-во чел.)

Стаж работы		**Квалификационная категория**			
1–5 лет	Более 5 лет	Высшая	Первая	Вторая	Нет категории
5	22	1	5	3	18

Во-первых, следует отметить высокую степень осведомленности респондентов в вопросах инклюзии. Во-вторых, почти безоговорочное приветствие родителями инклюзии в России.

Для родителей самым важным аспектом инклюзии является возможность социализации их детей: общения со сверстниками – 78 %; развития адаптивных навыков – 68 %; самостоятельности, самоопределения – 54 %; участия в конференциях, олимпиадах и других общешкольных мероприятиях наряду с другими детьми – 42 %.

Совместное обучение, с точки зрения родителей, позволит их детям избавиться от чувства «ущербности», изолированности – 48 %. Оно также будет способствовать воспитанию «толерантности, доброты, ответственности» [4] – 100 %; развитию гуманного отношения здоровых детей к детям с ограниченными возможностями – 58 %.

Почти каждый второй родитель предполагает, что инклюзия приведет к повышению уровня образования – 48 %. Однако «комфортность» совместного обучения вызывает сомнения. И хотя родители уверены, что «здоровые дети обязаны адекватно реагировать на детей с ограниченными возможностями», многие их них опасаются столкнуться в адаптационный период с «негативным отношением одноклассников и их родителей» – 48 %. Решение этого вопроса, с точки зрения родителей, будет зависеть «от воспитания [здоровых] детей и отношения классного руководителя». А воспитание детей, в свою очередь, от проведения специального курса, предваряющего совместное обучение.

Необходимо сказать, что специалисты в отношении многих вопросов настроены более критично. Например, в поддержку инклюзии выступают только 44 % респондентов. Так же скептично они настроены в отношении повышения уровня образования – 33 %.

И если родителей больше беспокоит возможное негативное отношение к их детям со стороны будущих одноклассников, то аргументы «против» инклюзии со стороны специалистов, как правило, сводятся к практическим аспектам, например, отсутствию или недостаточности комфортных материальных условий (пандусов, специально оборудованных учебных мест и пр.) – 85 %.

Почти каждый второй специалист переживает за учебно-методические аспекты совместного обучения: формальное прохождение программы на «тройку», трудности с совмещением программ для здоровых детей и детей с ограниченными возможностями, отсутствие гибкости образовательных стандартов, необходимость

сдавать ЕГЭ, «упор» учителя на среднестатистического ученика в классе (особенно это волнует молодых специалистов – 100 %).

И родителей, и специалистов почти в равной степени беспокоит отсутствие индивидуального тьютора (или дефектолога, или наставника) со специальным образованием – 54 %. Со своей стороны, можем сказать, что недостаток квалифицированных кадров признает и официальная власть [4].

За сохранение многовариативности образования (параллельное существование коррекционных и обычных школ) выступает большинство респондентов – 76 %. Это неудивительно, потому что обычная школа может принимать только «обучаемых и социализированных» детей [2]. В случаях тяжелой инвалидности существование коррекционных школ является жизненно необходимым, что, к сожалению, понимают далеко не все чиновники на местах [1; 4].

И, наконец, о самом важном. Всего лишь 12 % респондентов не удовлетворены политикой государства в этой сфере, что позволяет говорить о нейтрально-положительной реакции родителей и специалистов в целом.

Подводя итоги статьи, необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, отношение к инклюзии, как правило, редко зависит от образования, возраста, рода деятельности родителей; должности и квалификации специалистов. Во-вторых, есть существенная разница в восприятии инклюзии специалистами и родителями: специалисты настроены более критично. Данный факт можно объяснить тем, что родители мыслят категориями будущего, оценивая, в основном, перспективы инклюзии. Специалисты живут настоящим, указывая на огрехи практического воплощения инклюзии в России сегодня.

Список литературы:

1. Ивойлова И. О зарплате, ЕГЭ и воспитании // Российская газета [сайт]. URL: http://www.rg.ru/2014/10/23/obrazovanie.html (Дата обращения: 27.07.2015).
2. Ивойлова И. Шанс семьи Маркеловых // Российская газета [сайт]. URL: http://www.rg.ru/2013/01/22/semia.html (Дата обращения: 27.07.2015).
3. Ласкина Н.В., Новикова Н.А., Лежнева Н.С. и др. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.
4. Матвиенко В. Школа равных возможностей // Российская газета [сайт]. URL: http://www.rg.ru/2014/08/14/invalidy.html (Дата обращения: 27.07.2015).

5. Образование без границ: дети-инвалиды в обычных школах // ФОМ: [сайт]. URL: http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10588 (Дата обращения: 28.07.2015).
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

РИСКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Прасолов Валерий Иванович
канд. полит. наук, доц. факультета «Анализ рисков и экономическая безопасность» Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, РФ, г. Москва
E-mail: valeriy75@nm.ru

RISKS TO FOOD SECURITY OF RUSSIA IN CONDITIONS OF SANCTIONS

Valeriy Prasolov
candidate of political Sciences Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы рисков продовольственной безопасности в современных экономических условиях, прогнозируются меры по минимизации угроз рынку продовольствия и обеспечения населения продуктами питания.

ABSTRACT

This article discusses the problems of food security risks in the current economic conditions, projected measures to minimize threats to the food market and providing the population with food products.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, санкции, эмбарго, риски и перспективы, современные экономические условия.

Keywords: food security, sanctions, embargoes, risks and prospects, current economic conditions.

Вопросы продовольственной безопасности актуальные во все времена особую значимость приобретают в кризисных ситуациях. Глобальные проблемы продовольственной безопасности государств были рассмотрены на Римской конференции, на которой была принята «Римская декларация по всемирной продовольственной безопасности». В официальных документах, научных и публицистических статьях, посвященных продовольственной безопасности акцентируется внимание, на доступности продуктов питания для всех социальных слоев населения как физической, так и экономической. И это не случайно, само словосочетание food security переводится с английского языка и как «продовольственная безопасность», и как «продовольственная обеспеченность». Очевидно, что второй вариант точнее отражает смысл понятия, так как определяет гарантированное обеспечение физической и экономической доступности продуктов питания для населения, что и нашло отражение в документах, в том числе в Доктрине продовольственной безопасности России.

Генеральная Ассамблея ООН в 1974 г. одобрила «Международные обязательства по обеспечению продовольственной безопасности в мире», определив: «Продовольственная безопасность – это система мер, обеспечивающих производство и удовлетворение количественно-качественных потребностей населения страны в высококонкурентоспособных отечественных продуктах питания широкого ассортимента» [4].

Вопросы продовольственной безопасности следует рассматривать как сложное, многогранное явление, которое совмещает экономические, социальные и политические аспекты. Эти аспекты носят глобальный характер, как в результате гуманистической значимости проблемы, так и потому, что она тесно взаимосвязана со сложнейшей задачей отдельных государств в преодолении социально-экономической отсталости и их зависимости от внешних поставщиков продовольствия.

Важное значение имеют ключевые показатели для правильного понимания продовольственной безопасности страны. Согласно мировым стандартам, если страна производит 80 % потребляемого продовольствия, или она специализируется на производстве уникального продукта, экспортируя который получает положительное сальдо внешнеторгового баланса по продовольствию, иными словами объемы мировой торговли в существенной степени зависят

от реализации данного товара и страна может влиять на мировой рынок, считается что обеспечивает продовольственная независимость. Важно не допустить иных видов зависимости, экономической, политической, военной или иной от стран-экспортеров в части недостающего продовольствия.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации установила пороговые значения продовольственной независимости государства в случае, когда удельный вес отечественной сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка составляет в процентном отношении: по зерну – не менее 95 %; по мясу и мясопродуктам (в пересчете на мясо) – не менее 85 %; по молоку и молокопродуктам (в пересчете на молоко) – не менее 90 %; по сахару – не менее 80 %; по растительному маслу – не менее 80 %; по картофелю – не менее 95 %; по рыбе и рыбопродуктам – не менее 80 %.

По мнению ряда отечественных исследователей, продовольственную независимость страны сохраняется, когда доля импорта во внутреннем потреблении не превышает 20 %. Их западные коллеги, пороговый уровень продовольственной независимости определяют в 20–30 %. Эти значения можно рассматривать как пороговые для оценки рисков продовольственной безопасности.

Системная модель продовольственной безопасности России складывается из структурных элементов, в первую очередь это агропромышленный комплекс страны. Это связано с необходимостью непрерывного обеспечения жизнедеятельности людей путем обеспечения их доступным качественным продуктом, таким образом, продовольственная безопасность рассматривается в качестве биосоциальной основы существования населения.

Для решения вопросов продовольственной безопасности России недостаточно прогнозировать и моделировать экономическую ситуацию, важно учитывать множественные риски, которые могут оказать существенное отрицательное значение.

Основные группы рисков продовольственной безопасности определены Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» в виде макроэкономических, технологических, агроэкологических и внешнеторговых [3].

В логике и последовательности перечисленных рисков рассмотрим изменения, возникшие в связи с введением санкций.

Рассмотрим первую группу – макроэкономические риски, обусловленные снижением инвестиционной привлекательности

отечественного реального сектора экономики и конкурентоспособности отечественной продукции, а также зависимостью важнейших сфер экономики от внешнеэкономической конъюнктуры.

Современная рисковая ситуация с продовольственной безопасностью в России целесообразно анализировать в условиях международных санкций и рассматривать меры по их минимизации.

Санкции США, Евросоюза, Австралии. Канады и Норвегии рассматриваются с продовольственным эмбарго, введенное Россией с 7 августа 2014 года, мотивировано, в том числе санкциями этих стран к крупнейшим госбанкам РФ, которые выступают финансовыми институтами развития аграрного сектора.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что российское эмбарго принималось когда после длительного периода жесткой импортной зависимости страна стала выходить по ряду показателей на приемлемый уровень. Например, мясом птицы Россия обеспечена на 89 %, свининой – на 82 %, говядиной – на 71 %. Ограничения коснулись только 2,5 % потребления говядины в стране, 10 % молока и молочной продукции, 5 % овощей, самый высокий уровень исключения составили фрукты 50 % и сыры, до 30 %. Согласно официальных данных, которыми оперирует Минсельхоз РФ, из «запрещенных» стран в Россию ввозились только 10 % свинины, овощей и фруктов. Остальные категории товаров имеют еще более низкий показатель.

Независимых эксперты полагают, что на российском рынке сегодня доля импортных продуктов составляет около 30 % (в торговых сетях «премиум класса» этот показатель превышает 50 %). В отношении импортируемого мяса и мясопродуктов, несмотря на значительное снижение в последние годы зависимости России, доля ввозимого продукта остается достаточно высокой и оценивается в 24 %. По оценкам специалистов Института конъюнктуры аграрного рынка, объемы импорта молока на российских прилавках составляют 25 %, а в сегменте сыров – 50 %.

Оценивая список запрещенных к ввозу в Россию продуктов, мы видим что, выбор товаров сделан не случайно. Во-первых, широкие возможности быстрой замены поставщиков, осуществления диверсификации поставок. Во-вторых, внутри России уже сегодня существует достаточно мощностей для увеличения производства собственной продовольственной продукции, которые используются не в полной мере.

Именно поэтому в контрдействиях России «нет неуклюжести, а есть конкретика, причем точечная и от этого еще более болезненная

для Запада, потому, что не идет ни в какое сравнение с теми санкциями, которыми «кормили» нас в последние месяцы».

При этом нельзя отрицать того факта, что за последнее десятилетие российская экономика не претерпела качественных изменений, оставаясь экспортно-сырьевой. Подавляющая часть экспортного потенциала РФ составляют природные ресурсы (более 80 %), в то время как экспорт высокотехнологичной продукции составляет менее 10 %. Это давало возможность западным аналитикам полагать, что экономические санкции создадут некоторую неопределенность для инвесторов и снизят их уверенность, что приведет к падению цен на акции и объемы торговли с Россией.

США были самым активным сторонником наложения санкций на Россию. Позиция Штатов основана на том, что эффекты от санкций будут иметь серьезные последствия для экономики России, а это заставит ее пересмотреть свое поведение и уменьшить давление на Украину.

В таблице показаны этапы внесения санкций, а также можно увидеть, какие страны мира присоединились к этому процессу.

Таблица 1.

Этапы введения санкций против России

Этапы	Кто ввел санкции	Какие санкции введены?
I 17.03.2014	США, ЕС, Австралия, Канада, Албания, Исландия, Черногория, Молдова, Украина	Визовые санкции Замораживание активов в США
II 28.04.2014 23.07.2014	США, ЕС, ЕБРР	Визовые санкции Прекращение новой инвестиционной деятельности
III 31.07.2014	США, ЕС	Торговые ограничения
12.09.2014	США	Финансовый, энергетический секторы и оборонный сектор. Ограниченный доступ к рынку долговых обязательств США
18.12.2014	ЕС	Инвестиции в Крыму Торговые ограничения
16.02.2015	ЕС	Торговые ограничения Визовые санкции

Можно констатировать, что введенные санкции замедлили темпы роста экономики, бюджетный баланс приблизился к дефицитным

значениям, приостановились инвестиции западных и других компаний, снизился торговый оборот. При этом потенциал России остается достаточно высоким и это признают западные специалисты.

Не случайно вторую группу рисков продовольственной безопасности страны, составляют агроэкологические риски: к которым относятся неблагоприятные климатические изменения, а также последствия природных и техногенных чрезвычайных ситуаций. Казалось бы, как санкции могут повлиять на природно-климатические условия. Однако данные риски обусловлены не только неблагоприятными климатическими изменениями, им присущи и проблемы связанные с последствиями природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, загрязнением почвы, водных объектов и грунтовых вод, аккумулированным за многие годы, а также развитием генной инженерии. Это уже среда непосредственной человеческой деятельности.

Сложившаяся в агропромышленном комплексе обстановка не позволяет России в кратчайшие сроки обеспечить импортозамещение продуктов, так как это напрямую связано с естественными процессами развития живых организмов, которые во многом зависят от природных факторов. Не является секретом цикличность изменений в сельском хозяйстве, если для растениеводства достаточно 1 года, животноводство требует, как минимум 3 лет. Восстановление земельных, водных, биоресурсов может затянуться и на еще большие сроки.

При этом необходимо помнить, что сельскохозяйственное производство в России ведется на большинстве территорий в условиях зоны рискованного земледелия. Ярким свидетельствам этому являются ежегодные колебания урожайности зерновых культур. Об этом в частности свидетельствуют ежегодные колебания в урожайности зерновых культур и их валовых сборах. Неурожай 2010 и 2012 годов снизил объем продаж зерновых культур с 2009 по 2013 гг. на 6,4 %: с 63,3 до 59,3 млн. т. и, как следствие, ростом цен на них.

Нередко неурожаи обусловлены отрицательными, а порой и катастрофическими для сельского хозяйства неблагоприятными погодными условиями, вследствие непредсказуемости их проявления. Природно-климатические риски нередко выступают катализаторами всех остальных рисков и являются самым существенным фактором торможения развития сельского хозяйства не только в нашей стране, но и во всех странах мира. Погодные риски прямо или косвенно, воздействуют на 70 % всего мирового бизнеса.

В жестких условиях санкций, ограниченного лимита времени нам предстоит разработать и реализовать комплексную программу рачительного использования всех природных ресурсов. Это потребует проведения единой государственной политики природопользования, охраны и восстановления окружающей среды, которая должна затронуть все регионы страны. В результате мы сможем восстановить и сохранить земельные, водные, сырьевые и другие ресурсы, научимся оптимально использовать их для удовлетворения демографически обусловленных потребностей людей в соответствий с достигнутым уровнем развития производительных сил.

Обеспечить к 2018 году приемлемый уровень (более 80 %) самообеспеченности продуктами питания по ключевым показателям, при условиях сохранения эмбарго. Преодолеть отставание сельского хозяйства России за короткий срок достаточно проблематично без модернизации всей инфраструктуры агропромышленного комплекса. Первые результаты настораживают: импорт продовольствия за семь месяцев 2015 г. снизился в 1,6 раза – с 41 млрд. до 25 млрд. долларов, а рост в отечественном АПК составил лишь 3,7 %.

Технологические риски относятся к третьей группе и представляют совокупность проблем, таких как отставание в уровне технологического развития отечественной производственной базы, организации системы контроля соблюдения норм продовольственной безопасности.

Причины технологических рисков напрямую связаны с низкой инновационной и инвестиционной активностью в сфере производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия, с сокращением национальных генетических ресурсов животных и растений, и с кадровым дефицитом на селе.

По оценкам экспертов российское село задыхается от нехватки сельхозтехники и технологий, от дороговизны электроэнергии, от низких закупочных цен на производимую сельхозпродукцию. Производственные фонды по разным оценкам изношены на 70–80 %, поступления новой сельскохозяйственной техники сократилось, так как ее производство сократилось более чем в 10 раз. Наибольшее отставание наблюдается в мясомолочной отрасли, где доля устаревшего оборудования со сроком эксплуатации более 25 лет составляет 52 %, в хлебопекарной – 67 % [2, с. 52]. Внедрение новых технологий в сельском хозяйстве позволит снизить себестоимость производства, увеличить производительность, а также улучшить качество продукции.

Не решенным вопросом остается использование продукции, содержащей генномодифицированный материал. После введения эмбарго экологи и некоторые аграрии предложили запретить импорт в Россию продовольствия с генетически модифицированными компонентами в рамках действующих продовольственных санкций. В силу того что биотехнологическое производство относится к наиболее высокотехнологичным отраслям, основная его концентрация сосредоточена в промышленно развитых странах. Несмотря на неизученность в полной мере воздействия генномодифицированных добавок на живые организмы, принимать решения преждевременно, необходимо продолжить независимые исследования до получения конечного результата. Отрицать необходимость технологий, позволяющих повысить урожайность и чистоту продуктов контрпродуктивно. Современная механизация, роботизация, несомненно, способствует повышению качества продукции. Оставаясь одним из приоритетных направлений повышение производительности труда в агропромышленном комплексе. Располагая технологиями, позволяющими выращивать по нескольку урожаев сельскохозяйственной продукции в год нам необходимы современные технологии грамотного сбора и сохранения урожая, безотходного производства.

Хорошо известна пословица «не тот хлеб, что в поле, а тот, что в закроме», которая заставляет иным взглядом посмотреть не только на вопросы сбора сельхоз продукта но и на состояние хранения и его переработки. Хорошо известно, что послеуборочные потери 15 наиболее распространенных в земледелии зернобобовых культур составляют от 1/4 до 1/3 их валового сбора, сокращение потерь от вредителей только на 30–50 % эквивалентно увеличению урожая на 10–15 %. Разве это не резерв для пополнения продовольственных ресурсов. Не меньший эффект дает сокращение хотя бы на половину послеуборочных потерь продукции, особенно путем улучшения условий их хранения. Необходимо наряду со строительством новых хранилищ, провести срочную модернизацию существующих.

Но вернемся к применению современных биотехнологических методов в сельском хозяйстве, которые, по мнению ученых, предвосхищает будущую сельскохозяйственную революцию, которая будет способна стабилизировать сельскохозяйственное производство.

Рассматривая третью группу рисков, к которым относятся внешнеторговые риски, представленные колебанием рыночной конъюнктуры и применением мер государственной поддержки в зарубежных странах. Можно предположить, что введенное эмбарго дает отечественным сельхозпроизводителям карт-бланш и гарантирует

государственную поддержку в объеме 185 млрд. руб. Однако, как подчеркивал Л.И. Абалкин, «постановка вопроса о самообеспеченности страны продовольствием, отнюдь не означает курса на автаркию и изоляцию от мирового рынка. Мировая практика выработала ряд важных и надежных подходов к решению названной проблемы, среди них – гибкая и эффективная защита отечественных производителей, регулирование соотношений, позволяющих весь импорт продуктов питания, возможности производства которого в стране крайне ограничены или вообще отсутствуют, покрывать экспортом таких продуктов питания, производство которых более эффективно» [1, с. 10].

Поэтому дальнейшее развитие внешнеэкономических связей будет ориентировано на повышение качества и конкурентоспособность производимого продовольствия.

Импортозамещение не самоцель, а необходимость создать такое производство в нашей стране, когда мы сами можем производить нормальные, качественные, конкурентоспособные товары.

Проведенный краткий анализ изменения рисков продовольственной безопасности в условиях санкций позволяет сделать некоторые выводы по минимизации угроз чтобы обеспечить продовольственную независимость страны как важнейшую составляющую экономической безопасности.

1. Необходима разработка целевой программы государственной поддержки сельхозпроизводителей всех отраслей АПК в условиях санкций.
2. Инвестирование вести через предоставление субсидий сельхозпроизводителям из федерального бюджета через уполномоченные банки.
3. Установление приоритетных позиций для российских производителей на внутреннем рынке и рынках дружественных стран.
4. Проведение мониторинга природно-климатических условий по регионам выявление приоритетных направлений их развития и установления специализации региона страны.
5. Проведение исследований по повышению урожайности, селекции новых видов культур, климатизированных на территории нашей.

Нужно отметить, что у России были и остаются естественные преимущества, каковыми, собственно говоря, является территория России, ее природно-климатические условия.

Список литературы:

1. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12.
2. На пути к энергоэффективности: опыт и перспективы. Исследование практики энергосбережения на российских предприятиях. – Международная финансовая корпорация, 2006.
3. Указ президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // http://www.consultant.ru.
4. FAO 1996. Rome Declaration of World Food Summit it Plan of Action. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – htpp: / www.fao.org / wfs / final. (Дата обращения 27.12.2015).

СОЦИОЛОГИЯ

СЕКЦИЯ

«СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ»

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО «СЕРВИСА» ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мартынова Светлана Эдуардовна
канд. филол. наук, доц., зав. кафедрой государственного и муниципального управления ТГУ,
РФ, г. Томск
E-mai: status.sm@mail.ru

SOCIAL IMPLEMENTATION TECHNOLOGY OF THE MUNICIPAL SERVICE FOR FIRST-TIME ENTREPRENEURS: BASED ON RESULTS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

Svetlana Martynova
candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Public Administration Chair of Tomsk State University,
Russia, Tomsk

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – на основе результатов социологического исследования условий развития молодежного предпринимательства в инновационных регионах России разработать социальную технологию реализации муниципального «сервиса» для начинающих предпринимателей. В ходе социсследования выявлены факторы,

способные побудить образованную молодежь к ведению предпринимательской деятельности, и ожидания, связанные с муниципальными услугами для начинающих предпринимателей. Предложена социальная технология взаимодействия органов, предоставляющих услугу, и получателей услуги, основанная на принципе патисипативности.

ABSTRACT

The aim of the article is to develop a social technology implementation of the municipal "service" for first-time entrepreneurs based on results of sociological research of conditions for the development of youth entrepreneurship in innovative regions in Russia. In the course of sociological research, factors that may induce the educated youth to conduct business and expectations related to municipal services for first-time entrepreneurs are revealed. A social interaction of technology, service providers and recipients of services, based on the principle of participation is offered.

Ключевые слова: «сервисное» муниципальное управление; молодежное предпринимательство; социологические исследования; социальные технологии; патисипативность.

Keywords: "service" municipal administration; youth entrepreneurship; sociological research; sociological technologies; participation.

Современная социология демонстрирует взгляд на социологическое исследование как на элемент технологии принятия и реализации решений, направленных на преодоление конкретных проблем [29, с. 59]. Именно в таком контексте в данной работе рассматриваются результаты исследования условий развития молодежного предпринимательства в инновационных регионах России, проведенного под руководством автора статьи в апреле 2015 г. в Сибири (Томск, Новосибирск) и на Урале (Уфа).

Актуальность и обоснование регионального формата исследования.

Актуальность исследования по данной теме обусловлена задачей структурного изменения российской экономики. Поскольку бизнес-инициатива в настоящее время интересна, прежде всего, в интеллектуальных, инновационных сферах, это обстоятельство мотивировало выбор регионов для социологического изучения. Так, местом проведения исследования определены регионы с большими предпосылками для развития подобной предпринимательской деятельности: наличием крупного научно-образовательного комплекса,

значительной долей молодежи в структуре населения, наличием инновационного кластера в экономике. Такими территориями, в частности, являются регионы, входящие в ассоциацию инновационных регионов России. Местом проведения социологического исследования выбраны субъекты РФ, входящие в группу «сильных инноваторов» (Томская область, Новосибирская область) и «среднесильных» (Республика Башкортостан).

Поскольку наибольшая концентрация предпосылок наблюдается в административных центрах указанных субъектов РФ, исследование проводилось в городах Томск, Новосибирск, Уфа. Целью исследования явилось выявление условий повышения активности образованной молодежи в предпринимательской сфере.

Основные задачи исследования:

1. Выявить степень готовности молодежи к деятельности в сфере предпринимательства, а также условия, которые мотивировали бы большее число молодых людей участвовать в предпринимательской деятельности.
2. Выявить степень готовности молодежи развивать интеллектуальный бизнес, а также условия увеличения числа молодых предпринимателей в этой сфере.
3. Определить, в каких услугах со стороны муниципальных органов управления нуждаются молодые люди для реализации своей бизнес-инициативы.
4. Выявить степень известности об услугах для предпринимателей, оказываемых органами управления и их структурами.
5. Выяснить, пользовались ли молодые люди, которые знают о государственных / муниципальных услугах для предпринимателей, этими возможностями.
6. Определить причины, по которым лица, осведомленные об услугах для предпринимателей, не используют такие возможности.
7. Определить личные качества, которые молодые люди считают необходимыми для предпринимателя.

Теоретическая база исследования.

Теоретическим ориентиром, положенным в основу концепции нашего исследования, является модель «сервисного» государства (другие термины – «сервисная» концепция/модель/теория государства/государственного управления» [10; 11, с. 45; 28, с. 89; 22; 16], «клиентоориентированное государство» [30, с. 9], «концепция государства как «сервисного центра» [13], «новая модель администрации как службы гарантированного сервиса» [7, с. 133], «сервисная модель взаимодействия

с гражданами» [23, с. 174]. Новая, постиндустриальная, социальность изменяет характер взаимоотношений между активной и самостоятельной личностью и органами управления. Современная личность стала реализовывать собственные жизненные стратегии и повышать свои доходы за счет собственных же способностей, а потому перестала нуждаться в опеке со стороны государства. Такая суверенная личность в состоянии сама выстраивать свою жизненную траекторию, ожидая от государства лишь создания условий для самореализации граждан. Соответственно органы государственного и муниципального управления стали ориентироваться на обслуживание потребностей граждан в роли «сервисной» организации. Указанные смыслы “public service, public service-oriented organizations, customer-oriented (or citizen-oriented) services”, в том числе на местном уровне, раскрываются во множестве научных работ [37; 38; 39; 40; 41; 42; 44; 43; 1, с. 122; 21, с. 37–38; 26; 9, с. 99; 28, с. 89 и др.]. Следовательно, развитию малого и среднего бизнеса будут способствовать услуги со стороны органов управления, в частности, муниципального. Подтверждение тому, что на региональном и местном уровнях управленческий подход в этой сфере фокусируется именно на услугах, а не на финансовых стимулах, находим у Veronica Vecchi, Manuela Brusoni & Elio Borgonovi [46].

Методология исследования.

Методом сбора данных выбрано массовое полуформализованное интервью «лицом к лицу» со студентами старших курсов университетов указанных городов. Остановимся вначале на обосновании выбора именно интервью. Центральная роль актора в новой социальности породила сдвиг социологической методологии в сторону качественных подходов [33; 35, с. 17], субъективно-понимаемого. В числе качественных методов фигурируют и неформализованные или полуформализованные интервью. В нашем случае полуформализация проявилась в том, что помимо квантитативных вопросов в бланк интервью включены мотивационные вопросы, позволяющие более адекватно выявить установки респондента, поскольку интервьюер фиксирует ответы в той лексической форме, в какой они были получены. В дальнейшем происходит семантическая обработка высказываний об индивидуальных мотивациях.

Выбор массового характера интервью обусловлен следующими методологическими положениями. Современные социологические исследования, как было упомянуто выше, ориентированы на технологизацию их выводов. Следовательно, методология должна обеспечивать точность данных, возможность их практического использо-

вания. Ряд ученых подчеркивают необоснованность чрезмерного применения качественных методов, которые подрывают точность и объективность анализа. По их мнению, исследования, в частности, публичного управления, должны быть основаны на разумных эмпирических основаниях, а не только на импрессионистских доказательствах [45]. По наблюдениям D. Arduini и A. Zanfei, научные публикации в зарубежных изданиях по проблемам public service, начиная с 2004 г., демонстрируют значительное увеличение числа статей с использованием количественных методов как основных аналитических инструментов, в то время как число исследований с использованием, в основном, качественных методов составляет все меньшую и меньшую долю. Что касается методологии, то исследования, в частности, в области public service чаще всего основываются на информации, собранной с помощью интервью [36].

Для обеспечения точности выводов в нашем исследовании выборочные совокупности были определены таким образом, чтобы погрешность полученных данных не превышала 4 %. Исходя из этого в каждом городе, выборка составила около 600 чел.

Результаты исследования.

Перейдем к оценке готовности молодых людей реализовать активные, современные модели экономического поведения. Выявлено, что значительная часть молодых людей (46,1 % – 47,2 % и 45,5 % в Сибири (Томск и Новосибирск) и на Урале соответственно) готовы организовать бизнес, участвовать в новом бизнесе или уже это делают.

Факторами, способствующими появлению мотивации к предпринимательской деятельности у тех молодых людей, которые пока не хотят этого или не задумывались о такой перспективе, выступает, в первую очередь, наличие стартового капитала (таблица 1). Следует заметить, что при выявлении этого условия как ведущего в обоих регионах, все же более острой такая проблема является для молодежи Сибири. Другие два лидирующих условия по регионам различаются: в Сибири появлению мотивации будет способствовать наличие интересной идеи, перспективных партнеров, на Урале – наличие соответствующего образования, более низкий уровень бюрократии и наличие предпринимательского характера.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос «При каких условиях Вас бы заинтересовала перспектива организовать свой бизнес или участвовать в новом бизнесе?» (в % от всех опрошенных в регионе). Открытый вопрос. Альтернативы ответов, получившие от 2 % хотя бы в одном регионе

Варианты ответов	Сибирь (Томск-Новосибирск)	Урал
Наличие стартового капитала, спонсоров, инвесторов, финансовой поддержки, льгот	13,3–15	4,2
Наличие интересной идеи, дела по душе, возможность самовыражения	3–9,9	2,8
Наличие перспективных партнеров, помощников, единомышленников	2,9–3,5	2,7
Более низкий уровень бюрократии, честный контроль над чиновниками	0,5–0	3,5
Наличие предпринимательского характера	0,3–0	3,2
Нужные знания, образование	1,7–0,5	3,5
Перспектива большой прибыли, окупаемости	0–5,3	1

Прямой вопрос о готовности развивать бизнес, основанный на интеллектуальных технологиях показал следующее: лишь 25 % – 44,5 % и 24,2 % опрошенных в Сибири и на Урале соответственно демонстрируют такую готовность. Однако все же их число больше числа молодых людей, отрицающих для себя эту перспективу (таблица 2).

Таблица 2.

Распределение ответов «Да» и «Нет» на вопрос «Готовы ли Вы развивать бизнес, основанный на знаниях, интеллектуальных технологиях?» (в % от всех опрошенных в регионе)

Варианты ответов	Сибирь (Томск – Новосибирск)	Урал
Да	25-44,5[1]	24,2
Нет	10,4-17	2,8

[1] *Существенные различия в значениях внутри одной группы инновационных регионов могут свидетельствовать о погрешности классификации, основанной только на статистических данных, без учета социологических показателей.*

Основные факторы, способные изменить мнение тех молодых людей, которые сегодня не готовы развивать интеллектуальный бизнес, связаны с наличием необходимых знаний и способностей, личностных качеств (3,7 % – 0,9 % и 0,7 % в Сибири и на Урале соответственно). В Сибири респонденты полагают, что предпринимателю необходимы, прежде всего, такие качества, как уверенность в себе (75,7 % и 91,7 % в Томске и Новосибирске соответственно), активность (73 % и 91,2 %), ответственность (69,3 % – 90,6 %). Эти лидирующие три качества совпадают в обоих городах в одной и той же последовательности. Выдвижение на первый план психографических характеристик, причем связанных именно с инициативной позицией актора, берущего на себя ответственность за реализацию собственной жизненной траектории, вполне согласуется с признаками современной социальности.

В целом, подводя итог рассмотрению готовности молодежи инновационных территорий России к ведению предпринимательской деятельности, можно сказать, что такая готовность выражена в достаточной степени. Если намерения этой части молодых людей были бы реализованы, можно было бы наблюдать интенсивную структурную перестройку экономики, о необходимости которой говорит руководство России.

Теперь рассмотрим, как система муниципального управления должна быть подстроена под задачу создания условий для реализации предпринимательского потенциала молодежи за счет муниципальных услуг.

Прежде всего отметим, что подавляющая часть молодых людей (74,5 % – 94 % и 93,2 %) нуждаются в муниципальном «сервисе» для развития своей бизнес-идеи (таблица 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос «Какие услуги со стороны органов управления Вашего города Вы хотели бы получить для реализации своего бизнес-проекта?» (в % от всех опрошенных в регионе)

Варианты ответов	Сибирь (Томск-Новосибирск)	Урал
Услуги:	*74,5–94*	*93,2*
Обучение и консультации по вопросам предпринимательства	40,9–65,2	58,3
Организация стажировок молодых предпринимателей в регионах России и за рубежом	35,4–32,7	46,3
Юридические услуги по открытию и ведению бизнеса, решению спорных вопросов	32,2–48,2	47,8

Предоставление субсидий и поручительств по кредитам	29,5–32,7	39,8
Поиск деловых партнеров	23,7–38,7	28,3
Предоставление информации по вопросам предпринимательства, в т. ч. на Интернет-ресурсах	16,1–32,7	22,2
Проведение маркетинговых исследований, реклама и ПР	15,4–24,2	24,8
Обеспечение участия предпринимателей в межрегиональных и международных мероприятиях	10,9–14,3	20,3
Организация и проведение выставок-ярмарок, форумов для субъектов бизнеса	9,6–16,8	26,2
Предоставление площадей	0,2	-
Другое	0,7–0,7	0,8
Затрудняюсь ответить	*16,8–4,1*	*4,5*
Никаких не надо	*8,7–1,8*	*2,3*

Первые две позиции в ожиданиях занимают образовательные (обучение и консультации) и организационные услуги (по открытию и ведению бизнеса). Отметим, что набор лидирующих в ожиданиях услуг во всех регионах совпадает.

Финансовые условия, как мы отмечали ранее, в первую очередь, волнуют тех молодых людей, которые пока не готовы к предпринимательской деятельности.

При такой высокой потребности в муниципальных услугах для предпринимателей эффективность деятельности существующих структур можно оценить невысоко. Прежде всего, данный вывод вытекает из степени осведомленности о существовании подобных услуг в муниципальных образованиях. Так, ясное представление о том, что органы управления и их структуры уже предлагают предпринимателям упомянутые услуги, имеют всего 9,6 % – 14,3 % и 10 % (таблица 4). Между тем, перечень услуг для включения в бланк интервью был взят именно с сайтов муниципалитетов.

Даже те молодые люди, которые знают о муниципальных услугах для предпринимателей, в основном, не пользовались ими. На основании данных таблицы 5 можно сделать вывод о том, что «сервисные» муниципальные структуры обслужили всего 1,2 % – 5,3 % и 2,5 % молодых людей.

Таблица 4.

Распределение ответов «Да» и «Что-то слышал» на вопрос «Знаете ли Вы, что ряд подобных услуг органы управления и их структуры уже предлагают предпринимателям?» (в % от всех опрошенных в регионе)

Варианты ответов	Сибирь (Томск-Новосибирск)	Урал
Да	9,6–14,3	10
Что-то слышал	27–34,6	43,8

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос «Пользовались ли Вы этими услугами?» (в % от всех опрошенных в регионе)[2]

Варианты ответов	Сибирь (Томск – Новосибирск)	Урал
Да	1,2-5,3	2,5
Нет	8,4-9	7,5

Те молодые люди, которые знают об услугах, но ими не воспользовались, сформулировали причины такого отказа. Причинами выступают, в первую очередь, ссылки на отсутствие пока зарегистрированного бизнеса: «еще нет бизнеса, не зарегистрирован, еще не начал» (3,2 % – 3,7 % в Сибири), что немного сглаживает неблагоприятную картину. Однако среди ожидаемых услуг ведущие места занимают именно услуги, связанные с открытием своего дела. Поэтому, вероятно, молодые люди ассоциируют деятельность таких «сервисных» структур с услугами для уже работающих предпринимателей. Между тем такое представление неверно и его необходимо менять.

Обстоятельством, усугубляющим отрицательную оценку муниципального «сервиса» для предпринимателей, выступают ссылки на то, что молодые люди не знают, куда конкретно обратиться, и «никто не предлагал» такую помощь (1,2 % на Урале – самая частотная альтернатива[3]).

---

[2] *На вопрос отвечали респонденты, которые знают об услугах для предпринимателей (ответившие «да» на предыдущий вопрос).*

[3] *В целом, ответили, что они не воспользовались услугой, хотя знают о ней, 7,5 % (см. таблицу 5).*

Таким образом, основным тормозящим фактором развития предпринимательства в России является вовсе не отсутствие готовности молодежи заниматься этой деятельностью, а отсутствие «сервиса» со стороны органов управления, в частности, муниципального – наиболее близкого к потребителям публичных услуг.

На основании выводов исследования «Условия развития молодежного предпринимательства в инновационных регионах России» сформулирована задача разработки социальных технологий «сервисного» муниципального управления в сфере развития молодежного предпринимательства.

Социальная технология реализации муниципального «сервиса» для молодых предпринимателей.

Под социальными технологиями при всем многообразии их определений, которое, однако, обнаруживает общие черты [24, с. 180–181], мы понимаем, как раз согласованную трактовку технологии как упорядоченной совокупности приемов и методов для достижения поставленных целей в процессе социального развития и решения социальных проблем.

Обратимся к взглядам на социальные технологии в контексте современной парадигмы социального управления. Наши наблюдения позволяют говорить о том, что в социологической науке представлены скорее принципы разработки технологий, нежели сами алгоритмы их создания и реализации [4, с. 71; 27; 5; 6, с. 14–15; 18; 31; 8, с. 205; 14, с. 98].

В качестве принципов, которыми необходимо руководствоваться при создании современных социальных технологий, обозначены и характеристики современных социальных систем (динамичность), и методологические подходы (системный анализ), и признаки современного социального управления (цель реализации человеческого потенциала, принцип патисипативности в управлении, отказ от директивного стиля, переход от «опеки» к стимулированию, мотивированию к изменениям). Такие наблюдения позволяют констатировать наличие общих научных взглядов на современное социальное управление, на что мы опираемся тоже, но не дают возможности создать алгоритмическую основу для разработки технологий.

В интересующем нас контексте – «сервисной» модели муниципального управления – о технологиях в научной литературе не сказано практически ничего (подробнее: [17, с. 77–82]), и это обстоятельство подчеркивает актуальность поставленной нами задачи.

Переходя к решению задачи, подчеркнем, что в рамках концепции «сервисного» государственного и муниципального

управления публичная услуга не может быть оказана без участия ее потребителя. Исходя из этого, определяем технологию патисипативного принятия решений в отношении муниципального «сервиса» центральной в системе «сервисных» технологий. При разработке такой патисипативной технологии считаем важным предусмотреть приемы вовлечения получателей услуги в со-управленческий процесс. В этой связи определим роль каждой из сторон в реализации муниципального «сервиса». Так, роль *органов муниципального управления* в таком патисипативном партнерстве заключается в следующем: выявление общественной потребности в той или иной услуге (или формирование потребности в услуге), составление реестра (номенклатуры) услуг, организация выработки общественного согласия в отношении качества услуг для закрепления в нормативных документах, выбор поставщиков услуг и контроль за соответствием их результатов общественно значимым параметрам качества услуг, выявление удовлетворенности получателей услуг и корректировка содержания услуг по итогам оценки.

В свою очередь, *роль получателей услуги* в рамках «сервисной» модели заключается в следующем: определить свою потребность в услугах, выдвинуть требования к качеству услуг, оценить свою удовлетворенность услугой. Сопряжение ролей органов МСУ и получателей услуги является основой социальных технологий, базирующихся, прежде всего, на коммуникациях.

С учетом сказанного базовую технологию реализации «сервисной» модели можно представить в виде такого алгоритма:

Этап 1. Выявление общественной потребности, в т. ч. И индивидуальной, в той или иной услуге. Органы МСУ организуют изучение общественной потребности, граждане – определяют эти потребности.

Этап 2. Составление реестра (номенклатуры) услуг. Данная деятельность осуществляется органами МСУ.

Этап 3. Достижение общественного согласия в отношении качества услуг для закрепления в нормативных документах – стандартах и регламентах услуг. Организация выработки согласия – функция органов МСУ, формулирование требований к качеству услуг – функция получателей услуги. Проекты стандартов и регламентов выносятся на обсуждение граждан, после чего при необходимости дорабатываются и утверждаются руководителем органа МСУ или организации, непосредственно оказывающей услуги. Обсуждение может быть организовано на официальных сайтах, в СМИ, путем опроса потребителей услуг в муниципальных учреждениях.

Этап 4. Определение поставщиков услуг. Данная деятельность осуществляется органами МСУ.

Этап 5. Контроль за соответствием результатов деятельности поставщиков услуг общественно значимым параметрам качества услуг. Органы МСУ контролируют деятельность поставщиков с позиций заказчика услуг, граждане участвуют в контроле за счет своей оценки удовлетворенности услугами. Общественный контроль может быть выражен и в том, что граждане выявляют и сообщают факты отступлений от закрепленных норм оказания муниципальных услуг.

Этап 6. Корректировка содержания услуг по итогам оценки. Деятельность осуществляется органами МСУ и организациями, непосредственно оказывающими услуги. Учитывая, что оценка удовлетворенности выполняется в режиме мониторинга и может изменяться, следует предусмотреть в регламентах и стандартах положение о возможности периодического внесения изменений в эти документы.

Представляется, что представленный выше алгоритм может быть экстраполирован на социальную технологию реализации муниципального «сервиса» для предпринимателей. Следует отметить новизну сам*о*й постановки вопроса о взаимодействии органов управления с предпринимателями именно в рамках «сервисной» модели. Научный дискурс пока наполнен в большей степени понятиями «поддержка, помощь, содействие, обеспечение» [3; 19; 20; 15; 12], а не «услуги». Услуги подразумеваются в лучшем случае только как часть поддержки. С нашей точки зрения, терминология отражает недостаток осмысления этой деятельности как ориентированной на конкретные и даже индивидуальные потребности предпринимателя и соответственно на конкретный и измеряемый результат. Понятие «услуга» используется чаще лишь в контексте («система информационных, консультационных и образовательных услуг» [3, с. 14], «различные бизнес-услуги» [19, с. 231], «образовательные, консалтинговые и другие услуги» [25, с. 38; 15]), зачастую без раскрытия его содержания и, тем более, алгоритмов реализации.

Между тем зарубежные авторы понимают инфраструктуру предпринимательской деятельности как среду, формирующую условия для ведения предпринимательской деятельности именно на основе предоставления различного рода услуг предпринимателям [32, с. 63; 46]. Положительный опыт социального управления малым бизнесом в развитых зарубежных странах выражается именно в разработке отдельных услуг с учетом потребностей малого бизнеса

на всех стадиях его развития [3, с. 22]. Как показало наше исследование в инновационных регионах России, начинающие предприниматели в подавляющем большинстве (например, 88,3 % в Уфе) не участвуют в конкурсах поддержки молодежных бизнес-проектов и не собираются этого делать. Между тем именно проведение конкурсов преобладает в «поддержке», которую предлагают структуры содействия предпринимателям.

Продолжая мысль о неконкретности и неактуальности «поддержки» со стороны структур управления потребностям предпринимателей, отметим, что органы управления даже не фигурируют в качестве субъектов «сервиса»: речь идет об услугах, предоставляемых малому бизнесу коммерческими и некоммерческими организациями [3, с. 29]. Работы, где упоминаются органы именно муниципального управления в контексте поддержки предпринимательства [19, с. 230; 25, с. 39; 32, с. 63] немногочисленны, причем под заказчиком зачастую понимается орган управления, а не сам предприниматель. С нашей точки зрения, такая практика никак не ориентирована на потребности предпринимателя. Если услуги предоставляются платно, то свои требования заказчик может определить в договоре. Но если эти услуги бесплатны (центры содействия предпринимателям оказывают их на бюджетные средства), то предприниматель оказывается лишенным права голоса. Для обеспечения ориентации такой услуги на потребности ее получателя, необходим стандарт услуги. В противном случае объем и качество услуги будут установлены на усмотрение органов управления – тех, кто ее оказывает. Особенно важно наличие стандарта для услуг начинающим предпринимателям, поскольку они могут воспользоваться преимущественно бесплатными услугами.

Заметим, что работы, посвященные «поддержке» предпринимателей с указанными выше характеристиками этой «поддержки», в основном, принадлежат представителям экономической науки. Разрабатывая именно социальную технологию реализации муниципального «сервиса» для предпринимателей, подчеркнем ее новизну еще несколькими обстоятельствами. Даже в публикациях, непосредственно посвященных социальным технологиям управления малым бизнесом, во-первых, речь идет о технологиях на государственном, а не муниципальном уровне, хотя последний наиболее близок к потребителям публичных услуг. Во-вторых, затрагиваются преимущественно организационные, правовые, экономические, образовательные аспекты (создание органов и организаций, формирование нормативно-правовой базы, разработка программ, финансовая

помощь, «проведение мероприятий» и проч. [3, с. 14; 34, с. 125; 2, с. 157–160; 20; 15], а не вопросы социального взаимодействия сторон. Причем речь идет даже не о взаимодействии, а о «воздействии на предпринимательство» [3, с. 13]. Субъектом этого воздействия выступает государство или орган местного самоуправления, а сам малый бизнес является лишь объектом, подающим сигналы обратной связи [34, с. 122]. Такой кибернетический подход не согласуется с признаками современной парадигмы социального управления, подразумевающими патисипативность управления, коллективный характер субъекта, тем более, когда речь идет о самой активной (по крайней мере, в экономическом плане) части общества.

В-третьих, социальные технологии не сфокусированы именно на взаимодействии с молодежью, начинающими предпринимателями. Даже те немногочисленные работы, которые затрагивают тему именно молодежного предпринимательства [2], освещают опять же перечень мероприятий, а не технологии. Важность разрабатываемой нами технологии оказания услуг предпринимателям, которые находятся на этапе становления и развития, подкрепим данными О.В. Подолякина о предельно низкой оценке такими предпринимателями помощи органов власти и управления различного уровня. Более 64 % опрошенных никакой помощи и поддержки не ощущают [25, с. 41].

Результаты нашего исследования «Условия развития молодежного предпринимательства в инновационных регионах России» позволяют скорректировать приведенный выше алгоритм социального взаимодействия в рамках предоставления услуги предпринимателям именно для молодежи. Так, представляется целесообразным внести уточнения и дополнения в такие этапы алгоритма, в первую очередь, как составление реестра услуг на основе выявленной общественной потребности, достижение общественного согласия в отношении качества услуг для закрепления в нормативных документах, контроль за соответствием результатов деятельности поставщиков услуг общественно значимым параметрам качества услуг.

Так, в номенклатуре услуг целесообразно учесть, в первую очередь, выявленную общественную потребность: в обучении и консультациях по вопросам предпринимательства, юридических услугах по открытию и ведению бизнеса, решению спорных вопросов, организации стажировок молодых предпринимателей в регионах России и за рубежом, предоставление субсидий и поручительств по кредитам. Целесообразно учесть и региональный аспект в предпочтениях, отраженный в приведенных выше данных.

Соответственно стандартизации и регламентации, в первую очередь, необходимо подвергнуть именно эти услуги. Для эффективной коммуникации между поставщиком и потребителем услуг необходимо учесть следующее: мотивацию молодых людей вступать во взаимодействие, каналы коммуникации, интенсивность коммуникации.

Чтобы соответствовать мотивации молодых людей организовать свой бизнес или участвовать в новом бизнесе, целесообразно демонстрировать возможность за счет получения услуг: а) приобрести стартовый капитал, инвесторов, партнеров; б) научиться продуцировать бизнес-идеи; в) получить необходимые знания и сформировать предпринимательские личные качества, в частности, активность, уверенность в себе, ответственность, предприимчивость, умение рисковать, умение подать себя.

Коммуникационные материалы должны демонстрировать явную апелляцию к молодежи, чтобы деятельность «сервисных» структур не ассоциировалась только с услугами для уже состоявшихся предпринимателей.

Кроме того, мотивирующим фактором будет демонстрация эффективности услуги – достижение успеха молодым предпринимателем, который воспользовался услугой.

В отношении каналов коммуникации можно отметить следующее. К сайтам, где предлагаются муниципальные услуги для предпринимателей, молодежь не обращается. Следовательно, либо необходимы коммуникационные усилия по продвижению сайтов, либо смена каналов коммуникации на такие, которые пользуются популярностью у молодежи (например, социальные сети). Предметом обсуждения среди начинающих предпринимателей должны стать, в первую очередь, объем услуги (что именно будет сделано), параметры ее качества с точки зрения потребителей, сроки предоставления. Исходя из этого, орган, ответственный за предоставление услуги, будет выбирать и ее поставщиков. Возможным каналом получения этой информации для разработки стандарта услуги целесообразно рассматривать и социологические опросы среди молодежной, в частности, студенческой аудитории.

Поскольку среди причин невысокой потребляемости услуг для предпринимателей главной является отсутствие необходимой информации о том, куда нужно обращаться, следует повысить интенсивность – частотность подачи таких сообщений, тем более, что студенческий контингент меняется с окончанием вуза.

Поиск поставщиков услуг должен осуществляться по тем позициям, которые, в первую очередь, востребованы начинающими предпринимателями. Нормирование деятельности поставщиков следует осуществлять на основании стандартов, разработанных с участием самих молодых предпринимателей.

Удовлетворенность услугой оценивается с помощью опросов потребителей услуги в местах ее предоставления. Здесь необходим как внешний контроль – со стороны органа МСУ как заказчика услуг для принятия решений в системе БОР, так и внутренний – со стороны организации, непосредственно оказывающей услуги, с целью коррекции содержания услуги на основе данных оценки удовлетворенности со стороны начинающих предпринимателей.

Выводы:

1. Для развития своей бизнес-инициативы подавляющая часть молодых людей нуждаются в муниципальных услугах, прежде всего в образовательных и организационных. Однако при такой высокой потребности в муниципальном «сервисе» для предпринимателей эффективность деятельности существующих структур чрезвычайно низка. Невысока в целом и осведомленность о предоставлении подобных услуг в муниципальных образованиях.

2. Основным тормозящим фактором развития предпринимательства в России является вовсе не отсутствие готовности молодежи заниматься этой деятельностью, а отсутствие «сервиса» со стороны органов управления, в частности, муниципального – наиболее близкого к потребителям публичных услуг.

3. Результаты социологического исследования «Условия развития молодежного предпринимательства в инновационных регионах России» позволили разработать алгоритм социального взаимодействия в рамках предоставления услуги предпринимателям именно для молодежи. Технология взаимодействия в рамках предоставления услуг молодым предпринимателям имеет следующие этапы: 1) выявление общественной потребности в той или иной услуге; 2) составление номенклатуры услуг, в которой целесообразно учесть выявленную потребность начинающих предпринимателей в обучении и консультациях по вопросам предпринимательства, юридических услугах по открытию и ведению бизнеса, организации стажировок в регионах России и за рубежом, предоставление субсидий и поручительств по кредитам; 3) достижение общественного согласия в отношении качества услуг для закрепления в стандартах и регламентах услуг. Стандартизации и регламентации, в первую очередь, необходимо подвергнуть именно услуги, востребованные

начинающими предпринимателями. Для эффективной коммуникации между поставщиком и потребителем услуг при составлении стандартов необходимо учесть следующее: мотивацию молодых людей вступать во взаимодействие, каналы коммуникации, интенсивность коммуникации. Чтобы соответствовать мотивации молодых людей организовать свой бизнес или участвовать в новом бизнесе, целесообразно демонстрировать возможность за счет получения услуг: а) приобрести стартовый капитал, инвесторов, партнеров; б) научиться продуцировать бизнес-идеи; в) получить необходимые знания и сформировать предпринимательские личные качества. Коммуникационные материалы должны демонстрировать явную апелляцию к молодежи. Мотивирующим фактором будет демонстрация эффективности услуги. Необходимы коммуникационные усилия по продвижению сайтов тех структур, которые предлагают услуги начинающим предпринимателям, смена каналов коммуникации на такие, которые пользуются популярностью у молодежи. Предметом обсуждения среди начинающих предпринимателей должны стать, в первую очередь, объем услуги, параметры ее качества, сроки предоставления; 4) определение поставщиков тех услуг, которые, в первую очередь, востребованы начинающими предпринимателями, и нормирование деятельности поставщиков на основании стандартов, разработанных с участием самих молодых предпринимателей; 5) контроль, который представляет собой, прежде всего, оценку удовлетворенности услугой и проводится в местах ее предоставления; 6) корректировка содержания услуг по итогам оценки удовлетворенности молодых предпринимателей.

Список литературы:

1. Акофф Р.Л. За пределами социализма и капитализма: развивающееся общество // Проблемы управления в социальных системах. – 2009. – Т. 1, вып. 1. – С. 112–140.
2. Аржакова Л.Г., Никифорова Е.М. Поддержка молодежного предпринимательства в Кемеровской области // V Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд»: сб. материалов. – Часть 1. – Новосибирск, 2010. – С. 157–160.
3. Бокарева В.Б. Социальные технологии в системе управлении малым бизнесом: автореф. дис. … докт. социол. наук. – М., 2014. – 47 с.
4. Быкова Е.С. Коучинг как социальная технология развития кадрового потенциала органов местного самоуправления // Тория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 71–73.

5. Бурмыкина И.В. Социально-технологическая культура как феномен общественного развития XXI века: постановка проблемы – [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Электрон. дан. – М., 2003–2004. – URL: http://lib.socio.msu.ru/l/library (Дата обращения: 24.04.2009).
6. Глотова Е.Ю. Социальные технологии регулирования мотивации трудовой активности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2009. – 21 с.
7. Дубровин Ю.И. Новые направления современных административных реформ в ведущих странах Европейского союза // Власть. – 2009. – № 1. – С. 131–134.
8. Ильина М.Г., Гончарова О.Л. Активизирующие технологии в социальном обслуживании граждан пожилого возраста – перспектива развития социальных технологий // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 5–2. – С. 204–206.
9. Кириенко В.Е. «Электронный муниципалитет» как составная часть информационного общества России // Проблемы управления в социальных системах. – 2009. – Т. 1, вып. 2. – С. 93–106.
10. Коженко Я.В. Концепции «сильного» и «сервисного» государства в контексте модернизации государственного управления в России: общее и отличное – [Электронный ресурс] // Фундамент. исслед. – 2012. – № 3, ч. 3. – С. 744–748.
11. Коженко Я.В., Мамычев А.Ю. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации // Власть. – 2010. – № 3. – С. 44–46.
12. Козодаева О.Н., Ефимов Ю.М. Состояние и тенденции развития инфраструктуры поддержки малого бизнеса в Тамбовской области // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 4 (062). – С. 50–54.
13. Корнилова С. Возможность использования зарубежного опыта реформ государственной службы в условиях административной реформы в России – [Электронный ресурс] // Суда нет. – Электрон. текст. дан. – Спб., 2009. – URL: http://sudanet.ru/Vozmojnosti_zarubejnogo_opyta_v_reforme_gosslyjby (Дата обращения: 17.03.2010).
14. Майоров А.С. Сущность и структура социальных инновационных технологий // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Пенза – Семипалатинск – Прага, 2011. – С. 98–99.
15. Малиновская ВВ., Шнайдер О.В. Развитие малого бизнеса: проблемы и решения // Карельский научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 81–83.

16. Мартынова С.Э. Концепция «сервисного» государства в контексте постиндустриальной парадигмы социального управления // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2013. – № 8. – С. 165–173.
17. Мартынова С.Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации: монография. – Спб.: Изд-во «Социально-гуманитарное знание», 2015. – 348 с.
18. Мерзляков А.А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления: на материалах разработки и реализации градостроительных проектов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 25 с.
19. Минеева Т.В. Бизнес-инкубатор как один из наиболее эффективных инструментов поддержки и развития предпринимательства // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 2. – С. 230–236.
20. Морковина С.С., Денисова Ю.Г., Драпалюк О.И., Шанянь Бао. Формы поддержки развития предпринимательства в лесном секторе ЦЧР // Лесотехнический журнал – 2013. – № 4. – С. 210–216.
21. Муртазина Л.Р. Изменения социальных институтов современного российского общества // Актуальные проблемы экономики, социологии и права в современных условиях: статьи и тез. докл. 5-ой Междунар. науч.-практ. конф. – Пятигорск, 2010. – Ч. 2. – С. 36–39.
22. Наумов С., Масленникова Е. Итоги реформ и перспективы развития государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации // Власть. – 2009. – № 10. – С. 4–8. –Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/10/Itogi_reform_i_perspektivi.pdf (Дата обращения: 19.09.2010).
23. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство: западный опыт в российской проекции // IX Всероссийская объединенная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2006), 14–16 ноября 2006 г., Санкт-Петербург. – Спб., 2007. – С. 174–176.
24. Плотников М.В., Смельцова С.В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. – 2012. – № 4.3 (28). – С. 169–187.
25. Подолякин О.В. Состояние инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства // Проблемы развития территории. – Вып. 1 (57). – 2012. – С. 37–44.
26. Рыхтикова Л.Ю. Слуги народа или построение сервисного государства в России – [Электронный ресурс] // Все о праве: информ.-образоват. юрид. портал. – Электрон. дан. – М., 2003. – URL: http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum6231/item6232.html (Дата обращения: 27.11.2009).

27. Стоянов А. Социальное управление и глобальное информационное пространство: проблемы, перспективы и социальная ответственность – [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Электрон. дан. – М., 2003–2004. – URL: http://lib.socio.msu.ru/l/library (Дата обращения: 03.01.2011).
28. Стырин Е.М. Электронное правительство: стратегии формирования и развития: дис. … канд. социол. наук. – М., 2006. – 163 с.
29. Тавокин Е. Социология управления и социальное управление: проблемы взаимодействия // Гос. служба. – 2008. – № 2. – С. 55–60.
30. Филиппов Д.В. Развитие организационно-управленческих технологий предоставления муниципальных услуг в крупном городском округе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Новосибирск, 2009. – 23 с.
31. Фроловичев А.В. Формирование партисипативного стиля управления в системе государственной службы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2008. – 23 с.
32. Фэй Чжао. Формирование системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности в Китае // Transport business in Russia. – 2014. – № 2. – С. 63–65.
33. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социол. исслед. – 2009. – № 8. – С. 3–13.
34. Щербакова Л.И., Сумина О.Е. Роль социальных технологий в повышении эффективности управления институтом малого бизнеса // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2015. – № 2. – С. 120–127.
35. Ядов В.А. Каким видится будущее социологии // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13–14 окт. 2011. – М., 2011. – С. 14–17.
36. Arduini D. An overview of scholarly research on public e-services? A meta-analysis of the literature / D. Arduini, A. Zanfei // Telecommunications Policy. – 2014. – Vol. 38, Issue 5. – P. 476–495.
37. Asmu'i R.F. Applying interactive planning on leadership in the organization: the case of transforming public transport services in Banjarmasin // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 115. – P. 283–295.
38. Cuadrado-Ballesteros B. Effect of modes of public services delivery on the efficiency of local governments: A two-stage approach / B. Cuadrado-Ballesteros, I.-M. García-Sánchez, J.-M. Prado-Lorenzo // Utilities Policy. – 2013. – Vol. 26. – P. 23–35.
39. Djellal F. Two decades of research on innovation in services: Whichplace for public services? / F. Djellal, F. Gallouj, I. Miles // Structural Change and Economic Dynamics. – 2013. – Vol. 27. – P. 98–117.

40. Guardiola J. Is time really important for research into contracting out public services in cities? Evidence for urban water management in Southern Spain / J. Guardiola, F. González-Gomez, M.A. García-Rubio // Cities. – 2010. – Vol. 27. – P. 369–376.
41. Kruks-Wisner G. Seeking the local state: gender, caste, and the pursuit of public services in Post-Tsunami India // World Development. – 2011. – Vol. 39, № 7. – P. 1143–1154.
42. Purcărea V.L. The Assessment of perceived service quality of public health care services in Romania using the SERVQUAL scale / V.L. Purcărea, I.R. Gheorghe, C.M. Petrescu // Procedia Economics and Finance. – 2013. – Vol. 6. – P. 573–585.
43. Pyon C.U. Decision support system for service quality management using customer knowledge in public service organization / C.U. Pyon, M.J. Lee, S.C. Park // Expert Systems with Applications. – 2009. – Vol. 36. – P. 8227–8238.
44. Sobaci M.Z. The use of twitter by mayors in Turkey: Tweets for better public services? / M.Z. Sobaci, N. Karkin // Government Information Quarterly. – 2013. – Vol. 30. – P. 417–425.
45. Stallings R.A. Public administration research: Work in PAR, 1940–1984 / R.A. Stallings, J.M. Ferris // Public Administration Review. – 1988. – Vol. 48, № 1. – P. 580–585.
46. Vecchi V. Public Authorities for Entrepreneurship: A management approach to execute competitiveness policies / Veronica Vecchi, Manuela Brusoni & Elio Borgonovi // Public Management Review. – 2014. – Vol. 16, № 2. – P. 256–273.

ФИЛОСОФИЯ

СЕКЦИЯ

«ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ»

ДИАЛЕКТИКА ОСНОВНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Вавилова Виктория Юрьевна
аспирант кафедры философии
Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: vika_filosophia@mail.ru

Просветов Сергей Юрьевич
канд. филос. наук, доц. кафедры философии
Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: prosvetov_philos@mail.ru

DIALECTICS OF THE FUNDAMENTAL ANTHROPOLOGICAL CATEGORIES IN DOSTOEVSKY'S WORKS

Victoria Vavilova
post-graduate student of the chair of philosophy, Kuban State University,
Russia, Krasnodar

Sergey Prosvetov
candidate of Philosophy, associate professor of the chair of philosophy,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Ф.М. Достоевский не оставил после себя четкой и однозначной философской системы, однако это вовсе не означает, что его точка зрения обрывочна или бессистемна, ее вполне возможно реконструировать. За основу у писателя положена двойственность основных рассматриваемых им категорий, их парность, что и придает столь диалектичный характер его философствованию. Помимо явных противоречий он рассматривает и скрытые, порой завуалированные, «двойники», но гораздо более значимые в душевных поисках человека. Это является его несомненным достижением в отражении сложности и противоречивости человеческой натуры.

ABSTRACT

Dostoevsky has not left a clear and unambiguous philosophical system after his death, but it does not mean that his view is fragmentary or unsystematic and it is possible to reconstruct it. The basics of the writer's system are a duality of the main categories and their twoness that give a dialectical nature to his philosophizing. In addition to obvious contradictions he also investigated hidden and sometimes veiled "counterparts" but nevertheless much more significant in spiritual search of the human being. This is his undoubted achievement in the reflection of the complexity and contradictory of human nature.

Ключевые слова: антропология; Ф.М. Достоевский; добро и зло; красота; прелесть; истина; мнение; свобода; порок.

Keywords: anthropology; F.M. Dostoyevsky; good and evil; beauty; charm; truth; opinion; freedom; vice.

Творчество Ф.М. Достоевского заключает в себе несомненное философское содержание. Вместе с тем, по своей форме оно не является систематичным: развитие одной и той же идеи можно встретить обрывочно, в диалогах различных персонажей его произведений. Нельзя, однако, считать его эклектичным набором мнений и суждений относительно основных аспектов человеческого существования: позиция Достоевского, развертываемая автором в диалектичной форме (нередко, на уровне полемики противоположных позиций, отражающих различные аспекты сложного предмета рассмотрения), довольно однозначна и предполагает глубинную взаимосвязь основных категорий человеческого существования. Иными словами, будучи бессистемной по форме, философия Достоевского может быть реконструирована, как минимум, на уровне демонстрации целостной взаимосвязи между отдельными категориями, в которых происходит отражение человеческого существования.

Важная особенность философского наследия Достоевского заключается в том, что основные рассматриваемые им категории являются парными, что доказывает диалектический характер творчества великого русского писателя. Так, у Достоевского отчетливо прослеживается рассмотрение проблем красоты и безобразия, добра и зла, порока и добродетели, любви и страсти и так далее. Впрочем, уже здесь можно обнаружить существенное отличие философских идей Достоевского от классических диалектических построений: автор рассматривает двойное противоречие между истинными формами реализации человеческой личности (любовь, добродетель, красота) и ее порочными проявлениями. Помимо явного противоречия (добро – зло) автор рассматривает скрытое противоречие (добро – мнимое добро). В результате его построения обнаруживают свою невероятную сложность: человек, ориентированный на свершение благих дел, может в действительности идти по пути порока, поскольку превратным является само его представление о благом, и дурном. По этой причине в противовес осознанному злу, добровольному пороку, автор ставит порок как заблуждение. Отсюда следует очень важный вывод, частично проливающий свет на специфику творчества Достоевского: заблуждение, категория обмана, является одной из центральных в его философии. И детальная прорисовка внутреннего мира отдельных персонажей, их мотивов и устремлений, представляет собой способ раскрытия ложных установок, ведущих человека по пути греха. Иными словами, одна из целей творчества Достоевского – борьба с обманом, с заблуждением через познание своего внутреннего мира, духовные терзания и поиски, являющиеся для отдельных его персонажей путем к прозрению и осознанию собственной греховности и собственной добродетели.

По сути, это та же диалектика, но развертывающаяся с позиции двойственности иного: в действительности и мнимое добро, и явное зло суть проявления греховного, бесовского начала. Однако проведенное разделение чрезвычайно важно для понимания противоречивости и сложности человеческого мировоззрения, поскольку одной из важных его сторон является личное целеполагание. При этом следует отметить, что особенное внимание автор уделяет именно «двойникам» благих чувств и устремлений, их ложным формам. Рассмотрим основные философско-антропологические категории, раскрытые в творчестве Достоевского с позиции указанного выше разграничения.

Одной из центральных категорий в философии Достоевского является категория красоты. Следует, однако, отметить, что красота здесь берется в особом значении: речь идет не о физической красоте

или гармонии внешней формы, но о конкретном сочетании красоты и блага. Красота в философии Достоевского имеет, в первую очередь, духовную природу: это красота души человека, его поступков и помыслов: «… мир спасет красота!» [2, с. 317]. При этом, как отмечает Вл. Соловьев, «в своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты, в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины» [4, с. 305]. Развивая эти мысли Вл. Соловьев говорит, что красота, существующая вне истины и добра, представляет собой абстракцию: «Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина, отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир» [4, с. 305]. Таким образом, в противовес истинной красоте существует безобразие (отсутствие Образа Божьего) как явная противоположность и прелесть, мнимая красота как скрытая противоположность. Об этом писала и исследователь М. Столяр, отмечая, что у Достоевского прелесть есть красота бездуховная, искушающая, ввергающая человека в страсти и сбивающая с праведного пути [5, с. 138–140]. Так, например, прелестью является «идея» Раскольникова, в которой высота исходных целей сочетается с отсутствием морали в выборе средств достижения. Красота, по Достоевскому, – путь к спасению, в то время как ложная красота, прелесть, ведет человека к греху и распаду личности. Следует понимать, что красота, таким образом, представляет собой не столько эстетическую, сколько религиозно-мистическую категорию, отражающую одухотворенность мира, его созвучие Слову Божьему. Неразрывная связь идеи красоты с идеями истины и добра делает актуальным и необходимым их последовательное рассмотрение.

Категория истины, являясь одной из центральных, почти всегда остается за рамками прямого обсуждения. Вместе с тем, ее поиски являются одним из основных мотивов творчества Достоевского. Даже рассмотренное выше двойственное противоречие есть выражение глубокой разработки автором идеи истины. Здесь также существует два различных антипода истине – явная ложь и мнение, «правда человека», содержащее в себе ложные исходные установки. Для Достоевского важнейшей темой, разрабатываемой в его произведениях, является путь самопознания человека. И потому первостепенное значение имеет не столько осознание внешней лжи, сколько осмысление «лжи самому себе», заблуждения. Что характерно, само по себе понимание истины в творчестве великого русского писателя является глубоко религиозным: истина есть Логос, понимаемый как евангельский Христос. И потому постижение истины одновременно есть восхождение человека к Богу. Однако познание истины

невозможно без осознания собственных заблуждений. Отсюда – неизбежный мотив страданий на пути осознания человеком самого себя и своего места в мире, а также идея покаяния как осознание и отбрасывание собственной греховности.

Не менее важной в творчестве Достоевского является категория добра. Здесь мы также видим двойственность в определении его иного: с одной стороны, речь идет о явном зле, с другой – о ложном благе. Именно последнее представляет собой одну из наиболее сильных причин торжества бесовского начала в человеке. Достоевский многократно обращается к идее ложного добра: таковы «идея» Раскольникова, показная святость старца Ферапонта, мотивы Великого Инквизитора: абстрактное понимание блага для себя и других, в конечном счете, приводит к обезбоживанию исходных мотивов. Собственно, кульминацией этого является глава в романе «Братья Карамазовы» «Великий инквизитор», где демонстрируется, что ради своей «благой» цели, внушенной «мудрым духом» (по сути, автор прямым текстом указывает на ее дьявольское происхождение), человек готов к убийству Бога [3, с. 224–241]. Ложное добро есть источник зла, что проявляется как на уровне методов и установок, проводимых носителями мнимо благой цели, так и на уровне последствий для самих людей, стремящихся к ложной добродетели. Гипертрофированный религиозный фанатизм старца Ферапонта, глубокое одиночество Великого Инквизитора, духовные терзания Раскольникова – все это проявление и результат их обращения к ложной добродетели.

Наконец, одна из фундаментальных антропологических категорий в творчестве Достоевского – это идея свободы. Свобода является неотъемлемым атрибутом личности, человек по природе своей обладает способностью к нравственному выбору. Это отражает глубоко христианскую позицию Достоевского, рассматривавшего свободу воли в ключе православной теологии. Это отражает крайне специфическое отношение автора к идее свободы и ее отсутствия: по Достоевскому, внешние обстоятельства не могут быть достаточной причиной отсутствия свободы, поскольку она берется не в отношении к возможности совершения действий (что отражает пребывание человека в физическом мире), но момент духовного выбора человека, его нравственную ориентированность. По этой причине то, что традиционно трактуется как отсутствие свободы [1, с. 54–58], рассматривается автором лишь как одно из оснований для ее утраты: на деле в каждой конкретной ситуации выбор в пользу того или иного действия лежит на человеке, вне зависимости от силы обстоятельств, определяющих его. Сила обстоятельств – это фантом, созданный человеком для самооправдания; по сути, это ложная форма несвободы.

Истинно нравственный человек может оставаться свободным в любой ситуации. С точки зрения религиозной антропологии Достоевского, истинная несвобода скрыта не в обстоятельствах, а в самом человеке, в случае, если он вступил на путь греха. Свобода воли предполагает возможность совершения дурных, греховных поступков, вместе с тем, погрязание человека в греховности есть одновременно его порабощение страстями, что знаменует собой истинную утрату свободы. Таким образом, изначально свободный человек способен отказываться от своей свободы по мере того, как он вступает на путь порока. Отсюда – ложная форма свободы, которая на деле знаменует собой ее утрату – служение идее величия человека и следующий за этим произвол, на деле свидетельствующий о все большем порабощении личности человека его негативными установками.

Как становится видно из проведенного анализа, в творчестве Достоевского реализуется сложная, диалектическая по своей форме система категорий, отражающих основные аспекты нравственной реализации личности человека. Выделение помимо явных противоположностей добродетельным формам проявления человеческой личности также и скрытых, представляющих собой своеобразные порочные «двойники» добродетелей, представляется одним из важнейших достижений великого русского мыслителя. Посредством этого детализированного различения в его творчестве реализуется глубокое отражение сложности и противоречивости человеческой натуры. Рассмотренная особенность творчества Достоевского, будучи проявленной, не только помогает приобрести более глубокое понимание структуры и содержания его произведений, но и способствует более адекватной реконструкции системы философских взглядов Достоевского.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства в 2 т., Т. 2. – М.: Искусство; ИЧП ЛИГА, 1994. – С. 7–150.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т., Т. 8. – Л.: Наука, 1973. – 512 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т., Т. 14. – Л.: Наука, 1976. – 512 с.
4. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – 2-е изд. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 822 [2] с. – (Филос. наследие. Т. 111).
5. Столяр М.Б. Понятие «прелести» в эстетике Ф. Достоевского // Синопсис. – 2000. – № 3. – С. 137–144.

СЕКЦИЯ

«ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ»

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Никитин Владислав Евгеньевич
канд. филос. наук, доц. кафедры онтологии и теории познания
Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: vladislav.nik@gmail.com

THE PHENOMENOLOGICAL NATURE OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Vladislav Nikitin
candidate of Sciences, assistant professor ontology and epistemology,
Institute of Philosophy St. Petersburg State University,
Russia, Saint-Petersburg

АННОТАЦИЯ

Используя идеи и принципы феноменологического подхода, автор рассматривает историческое познание как особую форму отношения сознания к своему предмету и показывает, что оно реализуется через конституирование и интерпретацию картин исторической реальности, которые являются рациональными реконструкциями прошлого. Основными составляющими механизма такого рода реконструкций являются коллективная память и рефлексия.

ABSTRACT

Using the ideas and principles of the phenomenological approach, the author examines the historical consciousness as a particular form of relationship of consciousness to its object and shows that it is implemented through the constitution and interpretation of the historical reality of the paintings, which are the rational reconstruction of the past. The main

components of the mechanism of this type of reconstruction is the collective memory and reflection.

Ключевые слова: историческое познание; феноменология; интенциональность; историческая реальность; память; рефлексия.

Keywords: historical knowledge; phenomenology; intentionality; historical reality; memory; reflection.

Пожалуй, ни одна из современных гуманитарных наук не привлекает к себе столь пристального внимания и не является столь социально востребованной, как наука историческая. Об этом говорят не только возрастающий интерес к прошлому, формирующийся в общественном сознании и популярность различных жанров исторической литературы, но и количество философско-исторических исследований. Человек не может быть не зависимым от своего прошлого потому, что оно не прошло. Оно сохраняет свое присутствие в настоящем, принимая участие в его становлении. Вопрошая прошлое, стремясь его понять, мы пытаемся получить ответы на вопросы, связанные с современным существованием человека. При этом наше отношение к прошлому бывает весьма противоречивым. С одной стороны, мы ищем в нем причины и корни, утраченные идеалы и образцы или иногда оправдания. С другой же стороны, поклоняясь новым кумирам, мы стремимся это прошлое переписать, что-то в нем подретушировав или просто зачеркнув, наивно полагая, что, если мы от него отказались, заменив одни исторические даты в календаре другими, то тем самым от него избавились и преодолели. Но, будучи официально отмененным, отрицаемое нами прошлое продолжает существовать и проявлять себя в сфере коллективного бессознательного, в наших действиях, в социальной мифологии и фольклоре, в морали и политике, в менталитете общества. Если отсутствие интереса к истории ведет к нищете человеческого духа, то склонность к ее искажению говорит о его нездоровом состоянии.

Долгое время в исторической науке, так же, как и в философско-исторических трактатах, доминировала позиция, которую можно определить, как наивный объективизм. Она основывалась на уверенности в том, что основная задача историка состоит в максимально объективном и подробном воспроизведении событий прошлого. При этом историк должен стремиться понять каждую эпоху в ее подлинности, проникнуться ее ценностями, а не навязывать ей свои, он должен не только воссоздать ход событий, но и реконструировать духовную атмосферу прошлого,

изобразить прошлое во всей полноте, как будто оно стоит у него перед глазами. Одним из ярких представителей такого подхода был Леопольд фон Ранке, который полагал, что задача истории состоит в том, чтобы показать, как все происходило на самом деле.

Такой подход к историческому познанию основывается на естественной установке сознания, согласно которой познание является отражением объективной реальности, то есть, реальности существующей вне и независимо от человеческого сознания. Поскольку историческая реальность есть реальность ныне не существующая, то основными предметами исторического познания являются ее случайные следы: сохранившиеся тексты, материальные результаты меморативной деятельности предков, археологические материалы и язык, на котором говорили люди. Специфика исторического познания заключается, прежде всего, в том, что история изучает то, что уже произошло и то, что нельзя дважды увидеть. Здесь невозможно организовать непосредственного наблюдения событий, нельзя поставить проверочного эксперимента, чтобы вновь получить тот же результат. У нас нет «машины времени», чтобы отправиться туда и увидеть, как все это происходило на самом деле. Какова же цена того, что называют «историческими фактами», если они не только не могут быть подтверждены на опыте, как этого требует «нормальная наука», но и способны пересматриваться, иначе интерпретироваться и оцениваться в новых социально-исторических условиях?

История – это рассказ о событиях, никогда не воспроизводящий их действительной последовательности полностью. Это рассказ, в котором целый век может поместиться на одной странице. Да и то, что историки называют событием, не познается непосредственно и в полном объеме, а только в той мере, насколько об этом удалось узнать из источников, которыми мы располагаем. «Историк говорит не о том, что собой представляла Римская империя или французское сопротивление в 1944 году, а о том, что о них можно узнать» [2; 203]. Историческое знание страдает неполнотой и фрагментарностью.

Учитывая эти особенности исторического знания, мы с необходимостью оказываемся перед вопросом о характере исторического познания как особой формы коммуникации, формы духовной связи между настоящим и прошлым. Как она возможна, как возможно знание о давно умерших вещах? Не является ли история в значительной степени иллюзией, а прошлое «чужой страной», отделенной от нас океаном времени? [6]. Таким образом, объективность и истинность исторического познания в естественной установке

оказывается под вопросом и на смену наивному объективизму приходит скептицизм.

Р. Декарт – один из основателей современного математического естествознания – утверждал, что история, неизбежно прибегая к вымыслу, занимает в человеческой культуре место более близкое к поэзии, нежели к науке. Историческое познание деформирует прошлое и не может претендовать на научную объективность. Существует непреодолимая пропасть между действительностью прошлого и нашими представлениями об этой действительности. «Беседовать с писателями других веков – то же, что путешествовать … Но, кто тратит слишком много времени на путешествия, может в конце концов стать чужим в своей стране, а кто слишком интересуется делами прошлых веков, обыкновенно сам становится несведущим в том, что происходит в его время» [5, с. 253].

Артур Данто в работе «Аналитическая философия истории» рассматривает три основных аргумента против возможности исторического знания. Во-первых, все наши утверждения о прошлом непосредственно не верифицируемы, а, следовательно, бессмысленны, по известному выражению Л. Витгенштейна. Во-вторых, поскольку мы все-таки ими пользуемся, они могут совершенно не соответствовать прошлому. Здесь Данто приводит известный аргумент Рассела, который заметил, что логически возможно, что наш мир был создан только пять минут назад вместе с нами, с нашей памятью и свидетельствами о прошлом. Этот чисто логический аргумент, по мнению Данто, можно было бы не принимать всерьез, если бы он не указывал на, то совершенно очевидное обстоятельство, что все наши высказывания о прошлом, строго говоря, могут носить лишь вероятностный характер. Некоторые наши утверждения о прошлом возможно истинны, а некоторые нет, но у нас отсутствует универсальный критерий для их различения. В-третьих, историки, интерпретируя события прошлого, всегда находятся в зависимости от личных, общественных или государственных интересов и предпочтений. Поэтому их позиции и оценки всегда субъективны, а исторические описания и объяснения относительны. Этот аргумент, сторонниками которого были такие известные ученые как Ч. Бирд и Б. Кроче, представляется Данто наиболее серьезным и трудно опровержимым. Хотя в данной работе Данто стремился к опровержению или, по крайней мере, к ослаблению этих антиисторических тезисов, следует все же признать, что ему не удалось их полностью разрушить. Что же касается третьего аргумента, то Данто в целом разделяет эту позицию и утверждает, что «наш способ организации

прошлого каузально связан с нашими конкретными интересами» [4, с. 40]. В результате автор приходит к выводу, что у нас есть определенные основания для того, чтобы не разделять позиции тотального скептицизма в вопросе о возможности исторического познания. Прошлое существует и некоторые наши утверждения говорят об этом прошлом. Вслед за Бирдом он предлагает различать «историю-как-реальность», «историю-как-свидетельства» и «историю-как-мысль». При этом «у нас нет прямого доступа к истории-как-реальности, мы лишь косвенно можем судить о ней благодаря «истории-как-свидетельствам» (history-as-record), т. е. благодаря документам, памятникам, символам, воспоминаниям или элементам мира настоящего, находящимся в определенных отношениях с историей-как-реальностью. Таким образом, скептицизм по отношению к историческому познанию не устраняется, а лишь несколько смягчается, приобретая форму релятивизма. И проблема объективности и истинности исторического знания не получает здесь последовательного разрешения.

Основная причина данного методологического затруднения состоит в том, что вопрос о природе исторического познания решается на основе тех классических принципов и идеалов, которые сформировались в математическом естествознании и основаны на естественной установке сознания. В такой установке, изучаемый наукой мир полагается существующим независимо от сознания, а задача познания состоит в том, чтобы представить вещи такими, какими они существуют «на самом деле». Но, если в науках о природе такая установка еще работает и не вызывает принципиальных методологических затруднений, ибо вполне отвечает характеру тех задач, которые здесь решаются, то при анализе исторического познания следование естественной установке приводит к скептицизму или релятивизму.

Тезисы о всеобщности и объективности исторического знания обретают новый смысл и получают обоснование не в естественной, а в феноменологической установке сознания, в которой элиминируется дуализм субъективного и объективного, познающего сознания и противостоящей ему действительности. Основы феноменологического понимания сущности науки были заложены Э. Гуссерлем [3], а также А. Шюцем [9]. Согласно феноменологическому подходу, мир, включая и мир исторический, есть то, что является человеку в его сознании и им конституируется. «Все наше знание о мире, как обыденное, так и научное, содержит конструкты, т. е. набор абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, соответствующих определенному уровню организации мышления. Строго

говоря, не существует чистых и простых фактов … они всегда интерпретированы» [9, с. 8]. С феноменологической точки зрения социально-исторический мир является не просто объектом, но «прежде всего, моей ситуацией, проживаемой в живом настоящем, посредством которой также и все историческое прошлое становится мне доступным» [9, с. 153]. Феноменологический подход отнюдь не предполагает, как утверждают некоторые его критики, отрицания существования внешнего мира, но позволяет сосредоточить внимание на характере и способах его данности. Следует различать прошлое как действительность, постоянно ускользающую и скрываемую от нас завесой времен, прошлое как ряды неисчислимых событий, значительная часть которых не оставляет после себя никаких видимых следов и историческую реальность как явление прошлого настоящему. Историческая реальность есть наше представление об исторической действительности, которое мы принимаем за эту действительность, придавая ей определенные формы и смыслы [7].

Историческое сознание, как и сознание вообще, обладает интенциональностью, то есть направленностью на предмет. При этом термин «направленность» не совсем адекватно передает сущность того, что в феноменологии понимается под интенциональностью. Интенциональность – это не просто сосредоточение внимания на каком-то предмете, который противостоит сознанию. Интенциональность есть собирание, конституирование самого предмета, в процессе которого этому предмету придаются определенные значения и смыслы. Интенциональный предмет – это предмет, который формируется деятельностью самого сознания и только по отношению к нему обладает существованием. Историческая реальность есть мир интенциональных предметов, смыслы и значения которых определяются историческим сознанием. Чтобы переживать и постигать мир как историю, необходима особая способность, особая направленность взгляда на вещи. Годовые кольца на пне только тогда говорят нам о его истории, когда мы способны соотнести их причудливый узор с прошлыми состояниями некогда росшего дерева. Наконечник неолитического копья, случайно обнаруженный в песчаном карьере, окажется для многих всего лишь камешком своеобразной формы. Факты жизни приобретают статус исторических фактов только в том случае, если попадают в поле исторического сознания, оказываются в его свете. Какова же природа самого исторического сознания? Проблема заключается в том, что если условием конституирования исторической реальности является наличие исторического сознания, то, как возможно само историческое

сознание, если только само его наличие предполагает возможность опыта переживания исторической реальности? Оно уже должно быть.

Если историческое отношение к миру основано на интенциональности сознания, то каким образом формируется этот вид интенционального отношения? Каким образом возникает сама историческая интенциональность? Историческое мировоззрение не дается человеку изначально. Как говорил М. Хайдеггер, «пробуждение и бодрствование исторического сознания не дано, как сам собою разумеющееся, вместе с жизнью» [8, с. 141]. Историческое отношение к действительности, если рассматривать его возникновение в филогенетическом плане, формировалось еще в донаучную, в доисторическую эпоху и носило первоначально не столько рациональный, сколько иррациональный, предрассудочный характер. Оно начинает складываться задолго до появления исторического разума в мифологическом сознании древнего человека, что хорошо показал в своих исследованиях М. Элиаде [10; 11]. Историческое имеет свои корни в мифологическом и, прежде всего, являет себя в мифах о происхождении, где человек формирует свои первые представления о возникновении мира и самого себя. Причем, историческое сознание определяется, в первую очередь, совсем не тем, что мы называем памятью. В онтогенетическом плане наше отношение к прошлому основано на памяти. Но, как форма сознания, память, прежде всего, индивидуальна и основана на личных восприятиях и переживаниях. С исчезновением каждого из нас бесследно исчезают и безвозвратно утрачиваются наши воспоминания, если нам не удается сделать их достоянием коллективной памяти, то есть истории. Если индивидуальная память является основой нашей личной идентичности, то памятью коллективной или историей определяется идентичность национальная. Утрата индивидуальной памяти разрушает личность человека, а утрата памяти коллективной нарушает естественное развитие народов и наций, лишая их культурно-исторической самобытности и понимания своего места в истории. «Различие между людьми и подлинно историческими народами, а также теми, кто таковыми не является, выводится не из ритма изменений и не из самобытности учреждений. Жить исторически значит одновременно хранить, оживлять память о наших предках (или о других обществах) и судить о них. В этом смысле можно понять высказывание Гегеля: только те сообщества являются действительно историческими, которые создают историю своего становления» [1, с. 246].

История основывается на памяти, на воспоминаниях людей, но к механизмам памяти не сводится и ими не объясняется. Память субъективна и фрагментарна, в ней много случайного

и малодостоверного. В ней наши непосредственные воспоминания нередко причудливым образом соединяются с воспоминаниями о воспоминаниях других людей, которые мы выдаем за свои собственные. Плывя по волнам памяти, мы находимся во власти переживания, во власти психологии. Более того, опираясь только на механизмы памяти, мы оказываемся не способными не только восстановить психологическую атмосферу прошлого, но и состояния, переживания собственной жизни. В отличие от процессов памяти, которые растворены в спонтанности потоков сознания, история строится на определенных рациональных основаниях, где психологическое выносится за скобки. Историческое повествование является рациональным дискурсом, который имеет свою интригу, сюжет и строится по определенным правилам. При этом ключевую роль в формировании интенциональности исторического сознания играет не память, а рефлексия, как направленность внимания исторического субъекта на самого себя. Подлинные предпосылки исторического отношения к действительности лежат там, где человек или народ задаются вопросами о своем месте в мире и о смысле собственного существования. И связывают ответ на эти вопросы с теми состояниями и событиями в прошлом, которыми предопределено их настоящее состояние. Так развитие исторического сознания в европейской культуре было связано, прежде всего, с гуманизмом Возрождения, с идеологией Реформации и с духом романтизма XIX века. Другим важным импульсом является развитие национального самосознания отдельных народов, которые обращаются к собственным корням и истокам, находя в них генетическую основу своего единства и оправдание своих претензий на определенное положение в мире. Прошлое вызывается к жизни настоящим. Именно в своем настоящем мы вопрошаем прошлое, создавая своими вопросами определенный горизонт, в котором задаются смыслы и значения событий, обозначаются линии интриг и набрасываются эскизы исторических сюжетов. Историческое познание носит коллективный характер. Один изолированный индивид не может знать о прошлом ничего иного, кроме своих личных воспоминаний. Историческое познание рационализирует и депсихологизирует историю. Картины исторической реальности являются рациональными реконструкциями прошлого, в которых «индивиды, находящиеся далеко от нас, исчезают в абстракциях» [1, с. 278]. Поэтому историческое познание не предполагает соучастия сознаний, которое еще возможно между современниками. «Между индивидами, принадлежащими к другим эпохам, к другим цивилизациям, общение остается строго интеллектуальным. Мы восстанавливаем систему мыслей, систему ценностей, мы объясняем и то и другое с помощью

обстоятельств, но мы редко достигаем того, чтобы представить жизнь человека, который проявлял себя в этом мире, или все же такой результат – награда за длительное общение, или является привилегией искусства и выдающегося историка» [1, с. 279]. История не сохраняет отдельных движений души, но она реконструирует основные траектории движения человеческого духа.

В историческом познании мы никогда не имеем дела с самими событиями, как они имели место в прошлом, а оперируем лишь рациональными реконструкциями этих событий. И у нас нет возможности провести сравнение между картиной исторической реальности как ее рациональной реконструкцией и самой действительностью прошлого. Поэтому именно та картина исторической реальности, которой мы располагаем сейчас, построенная на основе определенной парадигмы исторического мышления и является для нас действительной. Таким образом, очевидно, что научные критерии объективности и истинности вполне применимы и к историческому познанию, но сами понятия объективности и истинности приобретают здесь несколько иные смыслы, нежели те, в которых они используются в математическом естествознании.

Список литературы:

1. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
2. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея-Пресс, 2002.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т. 1 – М.: Мысль, 1989.
6. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Русский остров, 2004.
7. Никитин В.Е. Проблема исторической реальности // Метафизические исследования. Выпуск 2. История. СПб.: Лаборатория метафизических исследований, 1997.
8. Хайдеггер М. Кассельские доклады // Два текста о Вильгельме Дильтее. – М.: Гнозис, 1995.
9. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004.
10. Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: ACADEMIA, 1994.

СЕКЦИЯ

«СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Усупова Чолпон Сабыровна
канд. филос. наук, доц., заведующая кафедрой философии и общественных наук Кыргызской государственной медицинской академии им. И.К. Ахунбаева,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: usupova.tcholpon@yandex.ru

THE NATIONAL QUESTION AND MORAL VALUES

Cholpon Usupova
candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Department of philosophy and social Sciences
Kyrgyz State Medical Academy I.K. Ahunbaeva,
Kyrgyzstan, Bishkek

АННОТАЦИЯ

Человечество достигло высокого уровня в технологиях, и в будущем его еще ожидают открытия, которые могут перевернуть все наши представления о жизни. Но именно теперь мы начинаем понимать, что, несмотря на все достижения, человека может сделать счастливым только другой человек, только гуманное отношение друг к другу. Суть такого отношения составляют лишь нравственные ценности. Реалии сегодняшнего дня ставят перед нами задачу, как прожить достойно и хорошо.

ABSTRACT

Humanity has reached a high level in technology and it is also expected discoveries in future that may turn over all our ideas about life. But right now we are beginning to realize that, despite all achievements, the person can be happy due to another person, only humane attitude to each

other. Moral values represent the essence of such a relationship. The modern realities confront us with the problem of how to live worthily and well.

Ключевые слова: глобализация; нравственность; национальный вопрос; национальные обычаи.

Keywords: globalization; morality; national issue; national customs.

Современный мир со всей очевидностью признал, что процесс глобализации с одной стороны требует единства и толерантности всего человечества, необходимые для развития экономических, и информационных процессов, но в то же время с другой стороны, существующая враждебность между богатыми, сильными, развитыми странами Запада и странами восточноазиатского направления, предполагающая определенную дистанциированность, для этих отношений подозрительность, конфликтность существующая в современной политике. Мы считаем, что западные идеологи специально поднимают национальный вопрос, во всех регионах, так как преследуют определенные цели. Национальные чувства имеют тенденцию быстро разгораться, сегодня мы наблюдаем, что происходит столкновение этнических групп друг с другом, русских с украинцами, курды с турками, создавая нестабильную ситуацию между этносами, которая в конечном итоге может отразиться на всех.

В истории нашего государства мы наблюдали в 1990–2005 годах, когда произошли этнические столкновения. Правильная интерпретация национального патриотизма и национальных обычаев, обрядов и общественного мнения, выражающая современные отношения, выступает как критерий целостной, цивилизованной нации и этноса.

Консолидация и сохранение единства нации, на современном этапе развития нашего общества стала важнейшей проблемой, имеющей большое значение после приобретения суверенитета и независимости Кыргызстана, а так же для других государств на территории Средней Азии. Кыргызы более ориентированы на общественные ценности, отличающиеся от ценностей западных стран, потому что, существует целый комплекс вековых, исторических традиций, обычаев, имеющих связь с природой и космосом, и поэтому нравственность у древних кыргызов считалась высшей ценностью, творцом которой являлся тенир. У наших предков существовало много ритуалов жестко регламентирующих общественное и повседневное поведение в быту. Нарушение тех или иных ритуалов было равносильно потере чести и достоинства человека, так как все, что существует в мире, считается основанным на этих принципах.

Если углубиться в древность, кыргызы считали, что нравственный человек это тот, кто понимает, что такое «адал» (прим. автора «чистое, дозволенное») и «арам» (прим. автора «нечистый, запретный, запрещённый религией»), поэтому мы должны поступать и стремиться соответствовать идеям «адал». Нравственен тот, кто не забывает своих предков, почитающий их, и исполняющий определенные обычаи и ритуалы, посвященные их памяти. Все эти традиции, передаются из поколения в поколение на собственном примере. Нравственен добросовестный человек, выполняющий свое слово и обещания, эти нравы существовали, начиная с первобытнообщинного строя как продукт родо-племенного сознания и коллективного способа хозяйствования. Эта форма мышления прошла длительные и различные этапы своего развития в общественной жизни кыргызов, и тем не менее, до сих пор не потеряла свою нравственно человеческую смысловую нагрузку и является важной чертой менталитета нашего народа. Кыргызский народ в те времена прошел высшую стадию родового строя в эпоху военной демократии, в быту кыргызов частично сложилась частноклассовое расслоение, которой соответствовала государственная структура, в не большом таком масштабе патриархального уровня. Из исторического устного наследия можно узнать, что основное богатство нашего народа был скот, скотоводство, находящееся в частном владении, а пастбищные угодья в общем пользовании у всех членов рода или племени. В этом смысле профессор Мукамбаева Г.А. правильно отмечает, что эпос Манас является источником по изучению этнической истории и государственности кыргызского народа [1]. В этом произведении наш герой является символом объединения кыргызского народа, и нравственных принципов. Консолидация есть существенный и необходимый основной признак принципов существования любого народа, состоящего из разнородного этноса, наций, именно народный герой Манас осознавая эту историческую реальность выполняет двуединую задачу, так как невозможно существование вне консолидации кочевого народа являющегося основным положением в жизнестойкости народа. В нашем эпосе красной нитью проходит мысль о необходимо жить и существовать на основах общечеловеческих ценностей и высоких морально-нравственных принципах. Эпический герой Манас своими политическими деяниями опережает многих государственных мужей современности.

В 90 годах прошлого века, да и по настоящее время не учитываются исторические особенности традиций кыргызского народа; пастбищные угодья раздаются в частные владения, приводящие

к межродовым и племенным раздорам, в конце концов приводящей к междусобной войне. Эпос Манас не только является историей народа, энциклопедией кыргызских мифов, сказок, преданий, но и жизненным реальным примером, образцом для людей современности. Эпос Манас для нас имеет сакральное значение в сохранении истории в социальной памяти народа и проникновение в душу каждого кыргыза.

Всю историю человечества можно рассматривать как постоянное ожидание апокалипсиса, возможно сегодня, как никогда нам стоит задуматься о бренности нашего мира, если мы будем также проживать, то бесценное, что нам дано. Поэтому как нам кажется, что обязательной нормой жизни каждого индивида, должно стать расширение диапазона его мировоззрения до универсального мира вселенной. Каждый индивид может и должен оценить правдивость и ложность бытия.

Общечеловеческое в нравственном сознании не составляет постоянную и неизменную норму поведения, они развиваются с изменением общественных отношений в зависимости от формы и способа производства. Жизненные ситуации предоставляют множественность решений, они всегда для человека альтернативны. Человек имеет право свободного выбора одного или другого действия. У современного человека повышается степень свободы и ответственности с каждым обновлением общественных отношений, соответственно становятся более содержательными индивидуальные взаимоотношения людей. Ибо чем более многообразнее возможность выбора и чем выше уровень сознания человека, тем выше уровень свободы действий его поступков. Свободный человек более разумен, тонко чувствует свою ответственность, соответственно, этому увеличивается его историческая роль и значение нравственного сознания в поведении человека. Нравственность не абстрактное понятие оно передается в конкретных деяниях, нравах, в духе, разуме индивида и личности проявляясь в его словах и делах. В кыргызском устном творчестве особенно ярко проявляется в образе эпического героя Манаса. Актуальность изучения истории обычаев, нравственности, права в эпосе «Манас» и других произведений народного творчества нашим поколением необычайно востребована, так как они являются гениальными источниками, в которых аккумулированы нравственные, интеллектуальные богатства, обращенные из прошлого с призывом объединения кыргызов в один народ, в одно государство.

Список литературы:

1. Мукамбаева Г.А. Манас и право: учеб. пособие: Бишкек, 2005 – 382 с.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

Сборник статей по материалам

LVII международной научно-практической конференции

№ 1 (53)
Январь 2016 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 02.02.16. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3